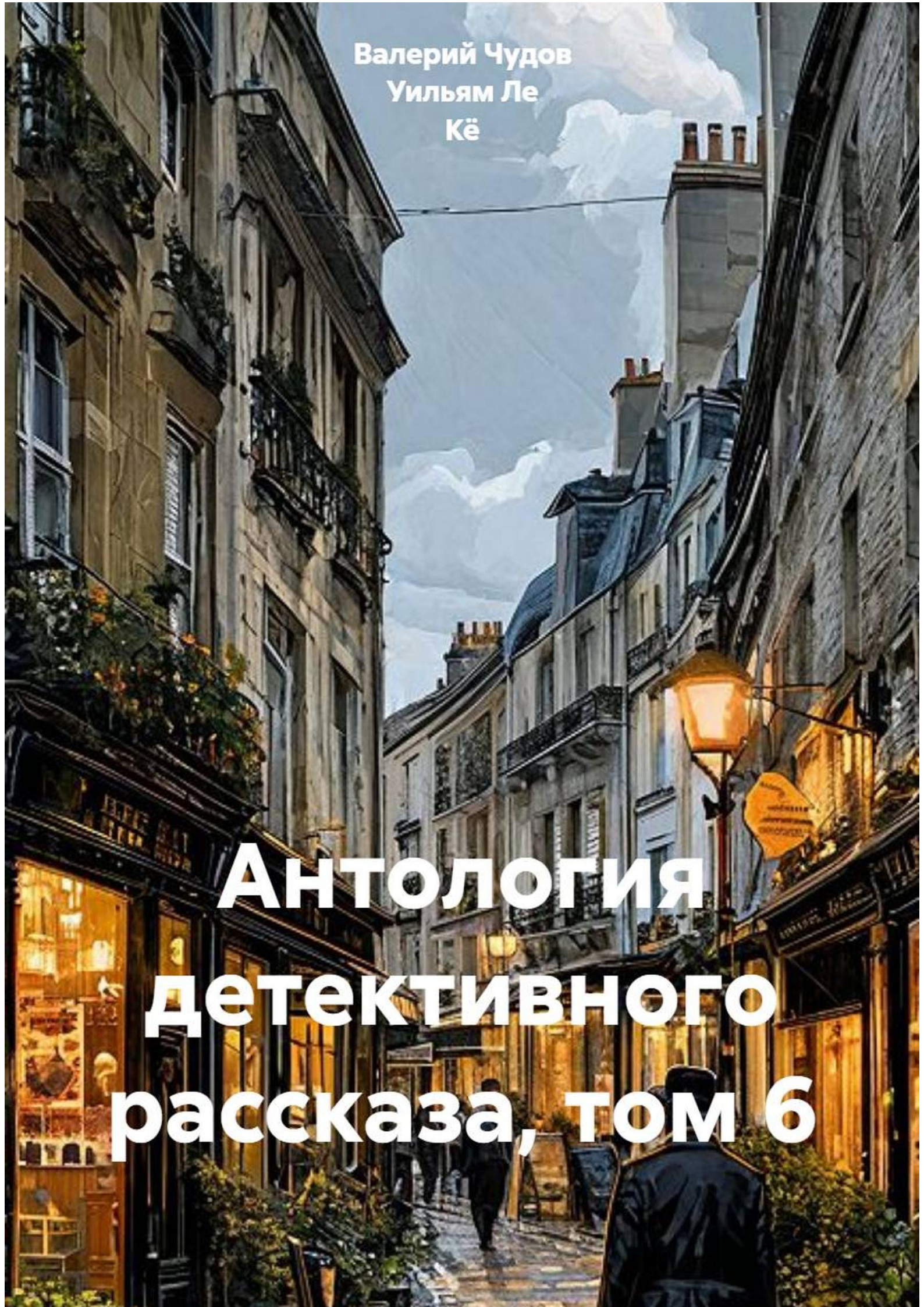

Валерий Чудов
Уильям Ле
Кё

Антология детективного рассказа, том 6

Уильям Ле Кё

**Антология детективного
рассказа, том 6**

«Автор»

2026

Ле Кё У.

Антология детективного рассказа, том 6 / У. Ле Кё — «Автор», 2026

В шестой том «Антологии детективного рассказа» вошел сборник английского писателя французского происхождения Уильяма Ле Кё «Клуб преступлений», состоящий из двенадцати детективных рассказов. Членство клуба, созданного для изучения психологии преступности, ограничивалось десятью людьми. Помимо изучения преступлений, его уникальной целью было оказание помощи полиции Франции или любой другой страны в разгадывании загадок, которые ставили их в тупик. В некоторых запутанных делах клуб добился значительных успехов. Можно сказать, это был коллективный детективный орган. Все произведения ранее на русский язык не переводились.

© Ле Кё У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Уильям Ле Кё	5
Дело номер один. Тайна швейцарских гор	6
Дело номер два. Фиолетовая смерть	16
Дело номер три. Человек с косоглазием	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Уильям Ле Кё

Антология детективного рассказа, том 6

Уильям Ле Кё

Клуб преступлений

Уильям Тафнелл Ле Кё (1864 — 1927) — английский журналист, писатель и дипломат французского происхождения. Творчество Ле Кё охватывает широкий спектр жанров: от криминальных романов и триллеров до детективов и шпионских романов;

Сборник «Клуб преступлений» (The Crimes Club) был опубликован в 1927 году. Авторское право Великобритании и России не нарушено.

Перевод Валерия Чудова

Дело номер один. Тайна швейцарских гор

— Так что в нынешнем виде это дело — полная загадка! — сказал барон.

Элегантный француз с коричневой бородой и довольно бледным лицом оглядел девять человек, сидящих за большим круглым столом в отдельном зале с запертыми дверями в кафе «Де л'Универ», непритязательном маленьком заведении на улице Сен-Антуан в Париже.

На столе стояли кофе и ликеры, поскольку проходил обычный ежемесячный ужин «Клуба преступлений», и один из его членов, меье Люсьен Дюбоск, стройный, темноглазый, бородастый, элегантный мужчина, шеф полиции, только что рассказал невероятную историю.

Остальные внимательно слушали, и барон сделал это замечание, когда Дюбоск закончил.

Это собрание было весьма необычным.

Членство в клубе, созданном для изучения психологии преступности, ограничивалось десятью людьми, и в тот вечер все они присутствовали. Это были профессор Эрнест Лемелетье, серьезный, с длинным подбородком, седыми волосами и усами, самый выдающийся судебно-медицинский эксперт Франции, отличившийся, как известно, в деле Ландру; доктор Анри Плауд, статный, худощавый семидесятилетний мужчина с седыми волосами и бородой, известный токсиколог и сенатор от Воклюза; адвокат мэтр Жан Тессье, темноглазый, круглолицый мужчина, который, хотя и не достиг среднего возраста, уже отличился как юрист и депутат от Йонны; Морис Жакино, стройный, несколько женоподобный, светловолосый журналист, специализировавшийся на расследовании криминальных загадок для крупной парижской газеты «Ле Журналь»; барон Эдуард д'Атенак, дородный светский лев, который только что сделал свое замечание; меье Гюстав Делькро, сморщенный низкорослый мужчина, бывший министр морского флота в кабинете Бриана; светловолосый, чисто выбритый английский изобретатель беспроводного телевидения по имени Гордон Латимер; и две дамы: одна — симпатичная темноволосая парижанка двадцати двух лет, мадемуазель Фернанда Бюисс, которая занималась журналистикой; а другая — полная, довольно красивая женщина сорока пяти лет, мадам Леонтина ван Хеке, которая исполняла обязанности секретаря клуба, у которого не было президента — все члены были равны.

«Клуб преступлений» был тайной организацией, в которую посторонние никогда не допускались ни под каким предлогом, а о его деятельности никогда не писали в газетах.

Помимо изучения преступлений, его уникальной целью было оказание помощи полиции Франции или любой другой страны в разгадывании загадок, которые ставили их в тупик. В некоторых запутанных делах клуб добился значительных успехов, но дело, которое начальник парижской детективной полиции представил им на рассмотрение, было, как заметил барон, полной загадкой, которую они немедленно подвергли детальному обсуждению.

Вкратце, французская полиция получила запрос от швейцарской полиции Берна о помощи в загадочном деле, произошедшем в Бернском Оберланде, у подножия горы Юнгфрау. Молодой клерк по имени Фрэнк МакБин, работавший в «Банк Шотландии» в Эдинбурге, отправился в Швейцарию на летние каникулы и остановился в Интерлакене, где жила его невеста, швейцарка Мариетта Райбер. Естественно, они вместе совершали поездки в Гриндельвальд, вдоль озер в Бриенц, Тун и другие места; а однажды отправились на поезде по темной, величественной долине в Лаутербруннен. Там они пересели на другой поезд и поднялись на гору Юнгфрау, где провели день. По рассказу швейцарки, когда они спустились вечером, чтобы сесть на поезд обратно в Интерлакен, он оставил ее в поезде в Шайдегге, чтобы пойти сделать фотографию, сказав, что вернется через несколько минут.

Она ждала, пока поезд неожиданно не отъехал. Она попыталась выбраться, но не осмелилась прыгнуть, поэтому её отвезли в Лаутербруннен. Там девушка ждала своего жениха до

последнего поезда; но он не приехал. Поэтому она вернулась в Интерлакен одна. Больше она Фрэнка не видела, потому что он исчез, и все попытки найти его потерпели неудачу.

— А как насчёт банковских счетов? — спросил адвокат Тессье.

— Проверка проведена, и все счета в порядке, — ответил начальник полиции. — Известно, что при нём были только две швейцарские купюры по пятьдесят франков, несколько сантимов и золотой перстень.

Вот и всё. Его фотоаппарат нашли в лесу недалеко от дороги, примерно в миле вниз по течению реки Лючины, широкого и быстрого горного потока.

— Река глубокая? — поинтересовался проницательный журналист Жакино.

— Нет; мелкая, но очень быстрая. Она течет по небольшим валунам — это ледниковая вода с горы Эйгер, — разъяснил Дюбоск.

Затем последовала дискуссия, в ходе которой каждый из десяти высказал свое мнение, и общее впечатление заключалось в том, что молодой человек, устав от девушки, просто исчез. Полиция Европы ежедневно получает сотни сообщений об исчезновении друзей, но в большинстве случаев исчезновение происходит преднамеренно: мужа бросают жен, и наоборот.

Мнение барона отличалось от мнения остальных.

— Если они были влюблены друг в друга, почему молодой человек исчез? — задал он вопрос. — Это может быть несчастный случай или преступление. Я подозреваю последнее, и поэтому поеду в Швейцарию, — заявил этот полный, дородный мужчина, эксперт по расследованию преступлений.

— Я поеду с вами, — предложил Жакино, который, будучи журналистом, увидел в этом деле большой потенциал.

— Я тоже поеду, — сказала симпатичная молодая журналистка Фернанда Бюисс. — Я хочу допросить швейцарку, у меня есть теория.

Когда «Клуб преступлений» проводил расследование, его выполнение поручали двум или трем добровольцам, в то время как остальные всегда были готовы оказать помощь, будь то в проведении допроса или в наблюдении за подозреваемыми.

Поэтому неделю спустя эта отважная троица прибыла в отель «Дю Лак» в Интерлакене как обычные гости, никому не сообщив о цели своего визита. Они обнаружили, что местная полиция и газетные корреспонденты заняты, а в городе царит сильное волнение по поводу исчезновения молодого шотландца. Он тоже остановился в отеле «Дю Лак», самом популярном отеле в Бернском Оберланде, поэтому на следующий день после прибытия барон задал кое-какие вопросы приветливому владельцу мистеру Вальтеру Халлеру, «герру Вальтеру», как его называли английские гости.

— Это была просто случайность, — пояснил хозяин гостиницы. — Когда он не вернулся, я позвонил на Юнгфрауйох, верхнюю станцию горной железной дороги, и с помощью железнодорожных служащих мы проследили его путь до самого Венгена. Он сошел с поезда в Шайдегге и начал спускаться пешком с Венгернальпа; тем, кто находился в небольшой гостинице, мимо которой он проходил, его манера поведения показалась очень странной. Согласно версии нашей полиции и адвоката, занимающегося этим делом, переходя небольшой мостик через реку Лючина, недалеко от Лаутербруннена, молодой человек споткнулся в темноте и упал в бурлящий поток. Вскоре он избился среди камней, и его тело отнесло к озеру Бриенц, где среди валунов в устье реки, — которые постоянно смещаются из-за сильного течения — его останки до сих пор лежат на дне озера. То же самое несколько лет назад случилось с крестьянином из Лаутербруннена.

— Значит, вы считаете, что это был несчастный случай? — спросил барон.

— Все согласны, — ответил хозяин отеля. — Конечно, я ничего не знаю о расследовании преступлений, но это общее мнение.

После ужина дородный барон д'Атенак с непреклонным желанием продолжить расследование, в сопровождении бодрых Жакино и мадемуазель, прогулялся по главному бульвару Хёхевер, одна сторона которого застроена колоссальными отелями, а другая выходит к гигантской заснеженной горе Юнгфрау, возвышающейся своим высоким белым гребнем в ярком лунном свете.

По пути к веселому Курсаалу все трое сошлись во мнении, что несчастного случая не может быть. Это либо самоубийство, либо преступление. Мадемуазель была уверена во втором. Как обычно, они действовали независимо от полиции и, скрывая свои личности, работали по совершенно иным, новаторским методам.

В тот день английский изобретатель Гордон Латимер, к услугам которого обратился барон, находился в Эдинбурге, проводя тайные расследования по поводу пропавшего человека.

Мадемуазель Фернанда, всегда элегантная, одетая по последней моде, держала свою теорию при себе и прибегла к хитрой уловке. Она выяснила, что невеста МакБина работала гувернанткой в семье, проживавшей на площади Файнхорн в Эдинбурге, где он с ней и познакомился. Поэтому она навестила дом матери девушки на Банхофштрассе и под предлогом того, что тоже работала гувернанткой в Эдинбурге, договорилась с невестой о встрече.

Сидя в небольшой, но уютно обставленной комнате с видом на широкие плодородные луга долины и озеро Тун, она извинилась за визит и сказала по-французски, чтобы фройляйн Райбер поняла:

— Я читала в газетах о трагическом исчезновении вашего друга, мистера МакБина. Он был моим другом, так же как и вашим. Я часто виделась с ним еще до вашей встречи и знала впоследствии, что он полюбил вас.

Девушка посмотрела прямо на свою гостью. Сначала она возмутилась, но в следующее мгновение тон голоса фройляйн смягчился.

— Да, — завершила она. — Он сказал, что любит меня, — и я поверила ему.

— И вы до сих пор верите, в то, что он вам сказал, было правдой? — спросила Фернанда со странным видом.

— Да, — ответила она после небольшого колебания.

— Ах! Вы не совсем уверены, — воскликнула молодая француженка. — Хорошо, что это так, потому что... ну, теперь, когда он мертв, я открою вам правду, как бы вам ни было больно. Он был помолвлен со мной!

— Вы? — взволнованно взвизгнула светловолосая швейцарка. — Вы? Вы лжете! Он любил меня и должен был жениться на мне в октябре.

— И он должен был жениться на мне в том же месяце, — спокойно сказала француженка.

— Но он не женится на вас. Он женится на... — и она оборвала фразу. — То есть, он не может, потому что он мертв.

Мадемуазель Фернанда устремила свой темный взгляд на девушку. Ее уловка срабатывала.

— Вы совершенно уверены, что бедный Фрэнк мертв? — спросила она.

— Конечно. Прошло уже двенадцать дней с тех пор, как он оставил меня в Шайдегге. Несомненно, он упал в бурный поток, и его тело ночью унесло в озеро, — проговорила она сдавленным голосом. — Если бы он был жив, то непременно вернулся ко мне.

— Есть подозрение, что вы поссорились, — предположила мадемуазель.

Девушка бросила на нее враждебный взгляд.

— Мы не ссорились — мы никогда не ссорились, — решительно возразила она.

— Почему вы так уверены, что с мистером МакБином не произошел несчастный случай? — удивилась мадемуазель Фернанда. — Разве его смерть не могла быть результатом преступления?

— У него не было врагов. Кроме того, при нем не было ничего ценного.

— Его фотоаппарат был найден в лесу довольно далеко от потока, — указала Фернанда; факт, который швейцарская полиция не упустила из виду, хотя и пришла к выводу, что с молодым шотландцем произошел несчастный случай.

— Возможно, он прошел через лес, прежде чем добраться до потока, — ответила девушка Райбер.

— Но вряд ли он выбросил бы его, не так ли? — не согласилась мадемуазель.

Через полчаса, она присоединилась к своим спутникам в отеле «Дю Лак» и, описав свою беседу с скорбящей невестой, добавила:

— Эта девушка знает об этом деле больше, чем хочет признать. Она оговорилась, но быстро исправила ошибку. Пропавший мужчина жив. Исчез ли он намеренно или находится в руках врагов — это вопрос, который мы должны расследовать и установить.

— В таком случае мы продолжим расследование самостоятельно и по-своему, — предложил Жакино. — Давайте начнем с того, что пройдем по той же местности, что и пропавший мужчина, и продолжим путь к месту, где его видели в последний раз.

— Отлично, — согласился барон. — Завтра мы поедем поездом на Юнгфрауйох и проследуем по тому пути, которым он шел.

Рано следующим утром все трое покинули Интерлакен. Поезд провез их вдоль ревущего потока по дикой, темной долине до Лаутербруннена; там они пересели в вагоны горной железной дороги, которая шла вверх по Венгернальпу через небольшой альпийский курорт Венген до Шайдегга на плато; а оттуда по самой чудесной в мире железной дороге они поднялись в область вечных снегов, на высоту лишь на две тысячи футов ниже вершины Юнгфрау.

Созерцание широких заснеженных склонов, огромных зеленоватых ледников с зияющими трещинами во льду и потрясающего вида горных вершин вдалеке доставляло огромное удовольствие. Но это не приблизило их к решению проблемы.

К тому же, вывод, к которому пришла Фернанда, не разделяли остальные. Барон теперь принял версию полиции о том, что исчезновение было случайным, в то время как Жакино, худощавый молодой человек с острым чувством юмора, считал, что молодой человек и девушка поссорились, и он просто вернулся в Шотландию.

Выйдя из поезда в Шайдегге, трое спустились по крутой горной тропе в Венген, откуда открывались чудесные виды с обеих сторон, а затем, продолжили спуск в Лаутербруннен, затем свернули на извилистую дорогу вдоль бурлящих вод реки Лючины к темному сосновому лесу, где был найден фотоаппарат.

Они потратили почти два часа на обыск этой части леса, но не обнаружили ничего, что могло бы привести к каким-либо уликам. Впрочем, недалеко от места, где была найдена камера, барон подобрал кончик сигареты. На нем был клеймо известной английской марки, по которому можно было предположить, что молодой МакБин остановился там, покурив, а затем, двигаясь дальше, забыл фотоаппарат. Но, как отметил Морис Жакино, эта конкретная марка английских сигарет продавалась в ряде магазинов в Интерлакене, поэтому окурочек не являлся доказательством, что здесь был англичанин.

Они вернулись на дорогу, ведущую в Интерлакен, прошли мимо небольшой гостиницы, где, как говорили, поздно ночью видели молодого человека, и дошли до узкого моста, с которого, как считалось, он соскользнул вниз в бурлящий поток.

— Ничто не убедит меня в том, что он мертв! — заявила мадемуазель Фернанда, идя между двумя мужчинами.

— Тогда вам придётся доказать, что он жив, — заметил барон. — Но как?

— Сначала мы должны установить мотив его исчезновения, — ответила проницательная молодая француженка. — После этого мы должны провести тщательное расследование. Полиция сначала подозревала убийство, но теперь считает, что это был несчастный случай. Я не

согласна ни с одной существующих теорий. Ну, а какой мог быть мотив? Может быть, после ссоры с девушкой, он решил наказать её и притворился, что кончает жизнь самоубийством?

— Вовсе нет, — возразил Жакино. — Если бы он притворился, что кончает жизнь самоубийством, то оставил бы свою шляпу и пальто, или что-нибудь ещё, на берегу реки. Но ничего не нашли, кроме его фотоаппарата. Это определённо не случай притворного самоубийства.

— Тогда что же это? — задалась вопросом девушка. — Нам предстоит разгадать эту тайну.

Они прошли через темную, таинственную долину до деревни Цвайлютшинен, а оттуда на поезде вернулись в Интерлакен, где два больших озера были окружены заснеженными горами.

Тем временем четвертый член «Клуба преступлений», молодой изобретатель Латимер, находился в Эдинбурге, продолжая свои расследования. Тихо и методично он углублялся в прошлое МакБина, которого все считали молодым человеком с образцовым поведением. Управляющий банком, оплакивая смерть молодого человека, ясно дал понять, что тот был честным, нравственным и бережливым, поскольку на банковском счете у него было более шестисот фунтов. Его отец, отставной капитан военно-морского флота, и мать, проживавшие в Куинсферри, отзывались о пропавшем сыне в самых лучших словах. Спустя почти две недели Латимер уже собирался бросить расследование и вернуться в Париж, когда дело приняло совершенно неожиданный и сенсационный оборот.

Однажды утром Латимер зашел к капитану МакБину, чтобы попрощаться, и застал его в состоянии сильного волнения и возбуждения.

— Я... вот что я получил по почте сегодня утром! — выдохнул он. — Смотрите!

Он поставил на стол небольшую, толстую деревянную коробку длиной около пяти дюймов, шириной два и глубиной три дюйма, и открыл ее.

Латимер разразился громким возгласом ужаса, увидев, что внутри — темный, сморщенный человеческий палец, отрубленный у основания, с золотым перстнем!

— Это перстень моего сына! — воскликнул убитый горем отец, слёзы текли по его щекам. — Я подарил ему этот перстень на его последний день рождения. Моя жена в Глазго. Я... я боюсь ей сказать. Это её убьёт!

Благодаря такому повороту, дело приобрело совершенно иной облик. О чем предвещала посылка?

— Это послано вам, капитан МакБин, как некий знак. Вы понимаете, что это значит? — спросил Латимер. — Это может означать только одно — что он мертв! И все же, насколько мне известно, у него не было врагов. Этот знак, безусловно, предвещает, что ваш бедный сын стал жертвой преступления.

Затем, после небольшой паузы, юный изобретатель радио сказал:

— Не могли бы вы дать мне эту коробку на неделю? Я хочу провести дальнейшее исследование.

— Конечно, — ответил отец. — Возьмите эту страшную вещь! Она слишком ужасна и отвратительна, чтобы я мог держать её у себя. Заберите её и уничтожьте; но кто мог её прислать, интересно?

— Это мы с друзьями постараемся выяснить. Поэтому она мне и нужна.

В тот же день после обеда Гордон Латимер отправился со станции Уэверли в Эдинбурге прямым рейсом в Швейцарию, неся с собой этот маленький ужасный предмет.

Два дня спустя он присоединился к троице в Интерлакене, где тайно показал содержимое анонимной небольшой коробочки. Все были потрясены видом сморщенного пальца с тяжелым золотым перстнем-печаткой, украшенным гербом МакБинов. Но больший интерес вызвала бумага, обернутая вокруг коробочки. Они внимательно изучили ее. Коробочка, по-видимому, была отправлена из Швейцарии, но почтовый штемпель был размытым. Почерк адреса был типично английским, женским, смелым, выразительным.

Барон отнес обертку к сотруднику почтового отделения в Интерлакене, который сразу же расшифровал почтовый штемпель как штемпель города Тун, расположенного на противоположном конце озера.

Возможно ли, что убийцы молодого МакБина жили в этом городе?

Позже, когда четверо членов Клуба обсуждали этот ужасный предмет, журналист Жакино заметил:

— Интересно, почему его отправили отцу убитого? Возможно, для того, чтобы он узнал этот предмет, но не захотел раскрывать его. Может быть, его враг убил его сына, и он отправляет этот жуткий предмет, как доказательство отмщения, прекрасно зная, что МакБин не посмеет его обвинить; возможно боясь какое-то компрометирующее заявление.

— Отец очень расстроен. Он не собирается рассказывать жене, — заметил Латимер.

— Ага, по какой-то очевидной причине! — воскликнула мадемуазель Фернанде.

Они снова осмотрели отрубленный палец. Высказывались сомнения, действительно ли это палец Фрэнка МакБина, но было замечено, что кольцо, плотно облегающее палец, образовало довольно заметный выступ на коже.

— Фу! Ужасно! — воскликнула Фернанда, прикасаясь к нему. — Либо это дело рук кого-то, одержимого дьявольской мстостью, либо это ужасный знак для отца МакБина, который он распознал и боится признать.

— Вы думаете, что какой-то враг отца убил его сына, чтобы отомстить? — спросил барон, обращаясь к мадемуазель.

— Моя теория остается прежней: очевидно, МакБин все еще жив, находится где-то в плену по какому-то мотиву, который нам не удастся установить. — Затем она добавила: — Мы не очень-то умные члены Клуба, не так ли? Плауд и Лемелетье будут насмехаться над нами. Как и Дюбоск.

— Четыре дня назад я получил от него письмо, — признался Латимер. — Он попросил меня встретиться с Сэнди МакКеем из полиции Эдинбурга по другому делу — страховому мошенничеству. Я так и сделал и сообщил ему о случившемся.

На следующий день мадемуазель Фернанде пришла в голову другая идея. Взяв маленькую коробочку, она позвала девушку Райбер и показала ей ее ужасное содержимое.

— Да это же его кольцо... его палец! Фу! — воскликнула она, задыхаясь и глядя на него в ужасе. — Где вы его взяли?

Мадемуазель рассказала ей об этом, после чего та пошатнулась и упала в обморок.

Фернанде было непонятно. Увиденное произвело на девушку неожиданное впечатление, поскольку не соответствовало её теории.

Когда девушка вскоре пришла в себя, она снова попросила показать кольцо, которое внимательно осмотрела. Затем, совершенно спокойно сказала:

— Да. Это очень загадочно! Очевидно, палец анонимно отправили его отцу в качестве доказательства смерти или увечий сына. Интересно, кто был его врагом?

— Именно это пытаются выяснить мои друзья. У вас есть какие-либо подозрения — малейшие подозрения, которые могли бы дать нам зацепку? — спросила симпатичная француженка.

— Нет. Мне ничего не известно ни об одном его враге, — ответила Мариетта Райбер, но ее тон был таким, что внушил Фернанде немалое подозрение.

Спустя месяц в штаб-квартире «Клуба преступлений» в Париже состоялось четвертое заседание, на котором присутствовали все члены. После ужина двери были заперты, и барон доложил о «Тайне швейцарских гор», как ее называли газеты.

Изложив уже описанные здесь подробности, он взял обертку, в которой была послана коробочка, и сказал:

— Вокруг этой посылки много загадок. Благодаря анализу и помощи экспертов по производству бумаги мы установили, что этот лист бумаги английский, а не швейцарский. Вербка английская, изготовлена фирмой в Олдхэме. Кроме того, сама коробка была пропитана каким-то коварным, смертельным веществом, поскольку через несколько часов после того, как отец пропавшего получил ее и открыл, его внезапно и загадочно поразила болезнь, которую врачи посчитали следствием острого отравления. Две недели он находился на грани жизни и смерти и только сейчас вне опасности. К тому же, когда я сам держал коробку в руках вскоре после того, как ее принесли нам, меня охватило странное чувство; я едва не упал в обморок. Поэтому очевидно, что тот, кто отправил эту коробку капитану МакБину, намеревался совершить ужасную месть, навлекая на него смерть самым тайным и дьявольским способом. Следовательно, если молодой человек стал жертвой преступления, это дело рук врагов его отца. Они прислали отрубленный палец в качестве доказательства своей победы. На этом, дамы и господа, мы пока остановились, дальше продвинуться не смогли.

Затем последовало долгое и критическое обсуждение, каждый пункт которого рассматривался экспертами. Профессор Лемелетье сообщил клубу, что ампутация пальца была выполнена опытным специалистом. Доктор Анри Плауд рассмотрел теорию отравления ящика и описал два смертельных вещества, которые могли быть использованы, однако они были безвредны для любого человека, если у него нет ссадин на пальцах. Великий юрист, мэтр Тессье, обсудил различные мотивы, которые могли побудить врагов капитана МакБина схватить и убить его сына.

Барон также отметил любопытный факт, что, хотя пакет мог быть отправлен из небольшого городка Тун и на нем были швейцарские марки, тем не менее, с капитана был взыскан дополнительный сбор в размере восьми пенсов от Западно-Центрального окружного отделения в Лондоне.

— Возникает вопрос, был ли пакет отправлен из Швейцарии или из Лондона. Почтовый штемпель Туна — это всего лишь пятно, хотя швейцарский почтовый служащий опознал его как стертый штамп Туна, — продолжил он. — Мы также должны помнить, что, хотя коробка немецкого производства, упаковка и вервка английские, вполне возможно коробка была отправлена из Лондона без предварительной оплаты. Вы спросите, как это могло произойти? Легко. Коробка достаточно мала, чтобы ее можно было опустить в любой из больших почтовых ящиков в главных почтовых отделениях, после чего она будет отправлена как письмо и обложена дополнительной платой.

Эта теория была принята, вместо любой другой, а после обсуждения, продолжавшегося до двух часов ночи, было решено продолжить расследование и разгадать тайну.

Швейцарская полиция, не зная о загадке перстня, о котором капитан МакБин никому не рассказывал из-за психического состояния своей жены, давно уже списала это дело на несчастный случай со смертельным исходом, как, собственно, и все в Бернском Оберланде. Однако «Клуб преступлений» был далеко не удовлетворен. Его члены имели обыкновение браться за дела, ставившие полицию в тупик, которая в свою очередь, лишь успокаивала общественное мнение.

Получение каких-либо дополнительных ценных улик по данному делу казалось совершенно безнадежной затеей.

Журналист Морис Жакино, ставший довольно известным в Интерлакене, вернулся туда и, снова остановившись в отеле «Дю Лак», решил организовать слежку за Мариеттой Райбер. В качестве ассистента он нанял молодого швейцарца по имени Штуц, который неустанно следил за передвижениями девушки. В их действиях не было ничего подозрительного, а вот в поведение девушки не чувствовалось, что она скорбит по своему возлюбленному. Более того, её видели в казино и на нескольких местных танцевальных вечерах, где она, по-видимому, хорошо проводила время.

Внезапно дело приняло еще одну, поразительную форму. Мариетт Райбер пропала из дома.

Ее мать рассказала, что однажды около часа дня дочь вышла на встречу со своей подругой по имени Рокс, чтобы покататься на пароходке по озеру Тун. Но она не вернулась. Девушка Рокс заявила, что Мариетта очевидно все это придумала, потому что о встрече они не договаривались.

Экипаж озерного парохода забрал ее на борт одну, но она отплыла из небольшой прибрежной деревушки Гунтен, популярного курорта жителей Туна. С какой целью?

Швейцарская полиция установила, что в тенистом саду отеля, примыкающего к причалу, Мариетта просидела около десяти минут, а потом подъехала машина и она села рядом с сорокалетним мужчиной с круглым лицом, который увез ее. После этого ее больше никто не видел и не слышал. Дело оставалось полной загадкой.

В Париже состоялось специальное заседание «Клуба преступлений», на котором была рассмотрена эта загадка и принято решение.

Через неделю после исчезновения Мариетты ее мать получила машинописное сообщение, отправленное из Брюсселя без подписи, следующего содержания: «Поиски Мариетты бесполезны. Ее не найдут, пока не будет раскрыта тайна смерти Фрэнка МакБина».

Мать, охваченная сильным волнением, показала записку Фернанде, которая на несколько дней снова вернулась в Интерлакен, а затем передала швейцарской полиции. Как только это сообщение стало известно, барон д'Атенак сел на поезд из Парижа в Брюссель, а врач Плауд сопровождал его.

Там они провели консультации с брюссельской полицией, которая, в свою очередь, пыталась найти пропавшую девушку, но все безрезультатно. Тем временем Дюбоск, начальник полиции Парижа, распорядился провести расследование по всей Франции в отношении нее, как он это делал и в случае с молодым МакБином.

Проблема стала еще более запутанной после того, как Гордон Латимер получил от капитана МакБина известие о том, что ночью в его доме произошел загадочный взрыв, здание загорелось, но он чудом избежал смерти. Это, несомненно, был поджог. Была совершена вторая попытка покушения на жизнь отца пропавшего человека.

Это заставило «Клуб преступлений» удвоить усилия по разгадке тайны, в которой теперь появилось множество ответвлений. Жакино и Фернанда вернулись из Интерлакена, и единственным членом клуба, отсутствовавшим в Париже, был мэтр Жан Тессье.

Дальнейшего развития событий не происходило почти шесть недель. Лемелетье, бледный и довольно нетерпеливый, однажды был проведен в личный кабинет мэра Дюбоска в префектуре полиции Парижа. Темнобородый шеф де ла Сюрте тепло поприветствовал его, но, прочитав короткое письмо, которое ему передал профессор, замер, ошарашенный и удивленный.

— Превосходно! — воскликнул он, оправившись от изумления. — Сегодня четверг. Мы должны действовать немедленно. — Он взглянул на часы. Затем взял телефон и попросил соединить его с префектом полиции в Булонь-сюр-Мер.

Через несколько мгновений прозвенел звонок, и он поспешил дать несколько указаний.

— Теперь нам нужно дождаться развития событий, — заявил он профессору. — Клуб должен собраться завтра вечером, если это удастся организовать.

— Я позабочусь о том, чтобы собрание было созвано, — ответил Лемелетье. — Мы все будем присутствовать.

И он вышел, самодовольно улыбаясь.

Следующим вечером за большим круглым столом в отдельном зале кафе «Де л'Универ» собрался тайный совет из десяти человек. Ужин закончился, и на столе остались только кофе и ликеры, когда Дюбоск встал и сказал:

— Я должен объявить, что, получив информацию от одного из членов клуба, я распорядился арестовать двух китайцев по имени Ву-фан и Ле-Кань по прибытии в Булонь из Швейцарии в связи с тайной Интерлакена. Члены клуба, занимавшиеся независимым расследованием, придерживались различных теорий, одна из которых заключалась в том, что девушка Райбер знала об исчезновении своего возлюбленного больше, чем хотела рассказывать. По этой причине наш коллега, мэтр Тессье, сумел заманить ее из дома в Брюссель с помощью сообщения, якобы от молодого МакБина. В Брюсселе ей предоставили комфортабельные апартаменты, но дали понять, что она будет находиться там в неволе, пока не расскажет все, что знает об исчезновении своего возлюбленного. Несколько недель она оставалась непреклонной, видимо, опасаясь навлечь на него беду, хотя было ясно, что она знает правду. Барон, мэтр Тессье, мадемуазель Фернанда и наш друг Жакино — все они беседовали с ней (мадемуазель Фернанда была ее спутницей во время заключения), — но она отказывалась говорить хоть слово, пока ей не рассказали о двух гнусных покушениях на жизнь капитана Макбина. Тогда она, наконец, открыла рот. — Он ненадолго замолчал и, оглядев стол, добавил: — Теперь я представлю мадемуазель Райбер и её любовника, и они расскажут вам свои удивительные истории.

По его знаку Жакино встал и отпер дверь. Это был драматический момент, когда он проводил дух молодых людей к стульям, которые Тессье выдвинул для них.

Оба были хорошо одеты, но бледные, изможденные и нервные.

Первыми словами Дубоск поздравил всех, после чего МакБин поблагодарил их за неустанные усилия, предпринятые в его интересах.

— Я стал жертвой коварного заговора, спланированного врагами моего отца из мести, — начал он тихим голосом. — Когда поезд остановился в Шайдегте, я вышел из вагона, чтобы сделать фотографию и полюбоваться видом на гору Эйгер. Для этого я прошёл за станцию. Там уже находился мужчина, который спускался с Юнгфрау вместе с нами, и тоже со своим фотоаппаратом. Мы начали беседовать о фотографии. Тем временем поезд отправился с Мариеттой. Он, как и я, был расстроен, что мы опоздали на поезд, поэтому решили идти пешком в Венген, так как следующий поезд должен был прийти через час. Мой спутник был обаятельным, много путешествовавшим человеком, и в отеле недалеко от станции в Венгене мы вместе выпили. Затем он предложил мне пройти ещё дальше, прямо до Лаутербруннена, откуда мы могли бы сесть на поезд до Интерлакена. Я помню, как прибыл на станцию Лаутербруннен, где в состоянии полного истощения, вероятно, из-за какого-то наркотика в напитке, мне кто-то помог забраться в ожидавший меня закрытый вагон. Дальше я ничего не помнил. Когда ко мне медленно вернулось сознание, я оказался в маленьком шале на склоне горы с надежно запертыми окном и дверью. Моими тюремщиками были двое злобно выглядящих китайцев, которые, хотя и относились ко мне доброжелательно, делали вид, что не понимают никакого языка, кроме своего собственного.

Я быстро понял, что попал в ловушку. И мне сразу же пришло в голову, что Мариетта может поверить, будто я покончил жизнь самоубийством из-за глупой истории, которую рассказал ей двумя днями ранее, чтобы проверить ее любовь ко мне. Это была вымышленная история, якобы я присвоил крупную сумму денег в банке и спросил ее, что мне делать, если это обнаружится. И тогда она поверила мне. Я обезумел от мыслей о ее душевных муках и из-за своего тесного заточения, но, в конце концов, мне удалось отправить ей записку через молодого пастуха, который часто проходил мимо дома, сообщив ей о своем местонахождении.

Естественно, она притворилась, что считает меня мертвым, дабы предотвратить поиски. Мои похитители пошли на хитрость и оставили мою фотокамеру в лесу, чтобы она указывала либо на несчастный случай, либо на самоубийство. Дни тянулись медленно, и мое полное одиночество чуть не свело меня с ума, ведь у меня был только пес в качестве компаньона, а гулять мне не разрешалось. Мое маленькое окно выходило на пастбище, где паслись коровы, а вдалеке виднелась гора. Мотив моего пленения оставался полной загадкой, пока старейшина китайцев,

У-фан, не рассказал мне, что могущественное тайное общество Кантона, символом которого является «Золотой кузнечик» и которое совершило множество убийств, поклялось отомстить моему отцу. Будто он, командуя канонерской лодкой во время восстания, приказал обстрелять небольшой городок, населенный китайцами. Они передали моему отцу весть, что я попал в их плен, и они подвергнут меня всем ужасным пыткам, известным китайцам, если он откажется выплатить достаточную компенсацию, пострадавшим от выстрелов канонерки. Естественно, мой отец не воспринял это всерьез, полностью поверив версии полиции о том, что я упал в поток. Но когда они сняли мое кольцо и прислали его отцу на мертвом пальце, взятом у студента из больницы, который делал вскрытия, он понял всю серьезность ситуации и то, что два агента «Золотого кузнечика» намерены лишить жизни не только меня, но и его самого.

— Благодаря Мариетте и всем вам я избежал ужасных пыток и бесславного конца, которые меня ожидали, — добавил он. — Она сама расскажет вам, что произошло.

Довольно застенчиво, милая светловолосая швейцарская девушка поведала на своем ломаном французском:

— Все это время я считала Фрэнка вором, как он мне по глупости и говорил. Поэтому я делала все возможное, чтобы подтвердить теорию случайной смерти, даже когда мне показали отрубленный палец. Однажды я получила сообщение, якобы от него, в котором он просил меня встретиться с его другом в Гунтене. Тот должен был сопроводить меня к нему, так как он хотел увидеть меня тайно. Представьте мое удивление, когда я оказалась в плену у трех женщин в доме под Брюсселем. Человеком, который меня встретил, был, как я теперь знаю, мэтр Жан Тессье; этот план был разработан им, чтобы выведать у меня, где скрывался мой любовник. Прошло много дней, и я молчала, пока мне не рассказали о двух покушениях на жизнь отца Фрэнка и о том, что, если я раскрою эту тайну, то помогу найти и наказать виновных. Поэтому, с некоторой неохотой, я рассказала все, что знала, в результате чего меня отпустили. Фрэнка нашли в уединенном доме на склоне горы недалеко от Гриндельвальда и отпустили, а двое китайцев бежали в сторону Лондона, но были арестованы в Булони.

Вскоре после этого принесли шампанское, и члены Совета десяти наполнили свои бокалы и выпили за будущее счастье молодой пары. Вечер завершился с большим энтузиазмом и в дружеской атмосфере.

Три месяца спустя Мариетта вышла замуж за Фрэнка в Эдинбурге, где в ту же неделю в том же городе оба узкоглазых существа были приговорены к десяти годам каторжных работ за попытку убийства капитана МакБина.

Так завершилась деятельность агентов «Золотого кузнечика» в Европе.

Дело номер два. Фиолетовая смерть

За большим круглым столом в верхнем зале кафе «Де л'Универ» проходило обычное ежемесячное собрание «Клуба преступлений». Присутствовали все десять членов, каждый из которых представлял свою профессию и был экспертом в своей области.

Кофе и ликеры были накрыты, дверь заперта, поскольку никому не разрешалось присутствовать на их тайных совещаниях, а новых членов не принимали до тех пор, пока смерть не освободит место. Секретарь, полная мадам Леонтина ван Хеке, внезапно обратилась к своим спутникам по-французски:

— Господа, месье Дюбоск желает проконсультироваться с вами. Прошу вашего внимания, если угодно.

Люсьен Дюбоск, одетый в элегантный смокинг и с желанной красной розеткой ордена Почетного легиона на лацкане, встал и, извинившись за беспокойство, объяснил проблему, которую не смогли решить ни английская, ни французская детективные службы.

Он заявил, что в интересах правосудия Скотланд-Ярд и французская полиция замалчивают очень странное и загадочное дело, тайну, на которую невозможно пролить свет, поэтому он кратко изложит факты членам этого собрания для обсуждения, принятия решения и дальнейших действий.

22 сентября, в четыре часа дня, двое хорошо одетых мужчин — один смуглый, наполовину лысый, но чисто выбритый, лет пятидесяти пяти, а другой мужчина моложе, лет тридцати с небольшим, со светлыми, ухоженными волосами и несколько женоподобным видом — прогуливались по прибрежной дороге, ведущей от кинотеатра к рыбному рынку в старом городе Гастингса, где стояли рыбацкие лодки с коричневыми парусами, готовые к выходу в море. Вокруг все еще было много отдыхающих из Лондона. У пляжного ларька двое мужчин купили бананы, бросились на гальку, съели их и закурили сигареты. Они тихо разговаривали, очевидно, совещаясь, причем молодой человек отличался от своего собеседника большей эмоциональностью.

Вскоре молодой человек, успокоившись, вытащил из кармана бумажник и, что-то достав, передал нечто другу. Тот осмотрел переданное, затем удовлетворенно хлопнул себя по колену и вернул это нечто первому, который аккуратно положил его обратно в бумажник. Оба от души рассмеялись, затем встали и, направившись обратно в город, вошли в небольшой магазинчик, где их ждала молодая светловолосая девушка лет двадцати двух. Там они вместе выпили. Девушка была очень хорошо одета и имела короткую стрижку. На левой руке у нее была темная кожаная перчатка, которая, возможно, прикрывала какой-то дефект.

Все это наблюдал Генри Хейс, сотрудник «Гастингс корпорейшн», в обязанности которого входило наблюдение за пляжем перед старым городом, с его разрушенной морской стеной и рыбацкой гаванью. Он заметил довольно необычные движения двух хорошо одетых мужчин, поскольку такие мужчины обычно не едят бананы на пляже. Поэтому он обратил внимание на их одежду. Пожилой мужчина носил в своем темном галстуке красивую булавку с сапфиром василькового цвета, которая удивила Хейса своей привлекательностью.

Мужчины вошли в магазинчик как раз к открытию, и Хейс ослабил наблюдение, поскольку ему почти нечего было делать: туристы вели себя организованно в той части города, которая была противоположна участку пляжа между отелем «Куинс» и пирсом Гастингса.

Это был последний раз, когда видели живыми тех двух посетителей Гастингса.

Тридцать четыре часа спустя, в три часа утра, почтовый пароход «Остров Танет», курсировавший через Ла-Манш, на полпути между Дувром и Кале, включил сирену, направив её на большое парусное судно, не включившее установленные огни. Дул сильный ветер, и, подняв

паруса, оно шло прямо на «Остров Танет», что сильно разозлило капитана Эванса, который снова включил сирену и был вынужден резко изменить курс, избежав столкновения всего на несколько ярдов.

В темноте он увидел, что это рыболовецкое судно, но на борту не было ни света, ни признаков жизни. Рискую опоздать в порт Кале-Маритим из-за задержки, он стал маневрировать своим пароходом так, чтобы следовать за брошенным судном.

Подплыв к нему, он схватил мегафон и крикнул капитану, сначала по-французски, затем по-испански, по-английски и по-итальянски. Но рыбацкое судно, качавшееся на бурлящей воде, не подавала никаких признаков жизни.

— Эй, там! — крикнул он. — Куда, черт возьми, вы направляетесь?

Но ответа снова не последовало.

Понимая, что такое дрейфующее в Ла-Манше судно без огней представляет большую опасность для судоходства, капитан немедленно отправил людей на шлюпке к паруснику и стал ждать их доклада. Экипаж шлюпки с трудом забрался на борт в таких штормовых условиях, и то благодаря тому, что капитан Эванс включил прожектор для наблюдения.

Большинство пассажиров оказались внизу из-за сильного шторма. Вскоре второй офицер, Ричард Хардвик, который отправился с группой, поднялся наверх и, размахивая руками как раз в тот момент, когда огромная волна обрушилась на судно, крикнул капитану:

— Что-то не так, сэр! Мы отведем его в Кале и посмотрим что там.

— Что не так? — громко спросил Эванс в мегафон.

— Пока не можем сказать, сэр, — ответил его офицер.

Затем капитан Эванс помахал на прощание и продолжил свой курс, зная, что задержит парижскую почту на полчаса или даже больше.

Тем временем Хардвик, офицер с «Острова Танет», приказал вновь зажечь огни, изменить паруса и взять курс на Кале, ориентируясь по мигающему портовому маяку.

— Забавно, не правда ли, сэр! — заметил Уильямс, человек, который стоял у штурвала, руководствуясь приказам Хардвика, когда они следовали по кильватерной струе ярко освещенного парохода, пересекающего Ла-Манш. — Вы можете различить что впереди?

— Нет, Уильямс, — ответил офицер. — Держите курс западнее.

И тут, когда рулевой изменил курс судна, его накрыла еще одна сильная волна, и оно гордо поднялось из впадины. Ночь была не слишком темной, но луна была скрыта быстро плывущими облаками, как это часто бывает в Ла-Манше. Время от времени грозовые облака расступались, и луна освещала длинной серебряной полосой обдуваемые ветром воды.

— Этот парень на носу выглядит как джентльмен, — заметил Уильямс, как раз когда мимо прошел еще один из его товарищей-матросов, призрачная фигура в полумраке. — Его, несомненно, хорошо стукнули. Интересно, как?

— Кто знает? Когда мы доберемся до Кале, будет проведено расследование по поводу брошенного судна, — ответил Хардвик. — Этот человек мертв, и мы не можем его оживить. Единственное, что остается, — это оставить все как есть, как я и приказал, и позволить полиции разгадать тайну сегодняшнего происшествия. Признаю, это выше моего понимания, и... ну, это действует на нервы. Все это так странно — целых три штуки!

— Да, сэр, я согласен. Но где экипаж? Они исчезли. В Гастингсе наверняка что-то о них знают.

— Конечно, знают. Но, как вы и говорите, где экипаж? Три мертвеца на борту — и больше никого!

Рыболовецкое судно с парусами, обозначенными как «СН.38», пятнадцать лет плавающее по Ла-Маншу и хорошо известное каждому рыбаку между мысом Норт-Фореленд и мысом Портленд-Билл, то поднималось, то опускалось, тяжело дыша в шторм; бушующие

волны время от времени захлестывали «рыбака», в то время как почтовое судно быстро его обгоняло, направляясь в гавань Кале.

Два или три раза корабль «Остров Танет» подавал сигнальные огни в виде точек и тире к брошенному судну, отдавая приказы о том, что Хардвик должен делать при входе в порт.

Тем временем Хардвик, всю жизнь проведенный на пароме через Ла-Манш, изо всех сил старался удержать старое суденышко с коричневыми парусами на заданном курсе. Трал был поднят — совсем недавно, потому что рыба, водоросли и мусор от него валялись на верхней палубе. Но кто его поднял? Конечно, не трое мужчин, находившихся сейчас на борту. Рыболовная команда, по-видимому, внезапно исчезла, оставив судно дрейфовать без огней, представляя серьезную угрозу для судоходства. Действительно, в качестве подтверждения строгого наблюдения за водами Ла-Манша, два грузовых парохода, прошедшие мимо него часом ранее, сообщили на радиостанцию в Нитоне, на острове Уайт, об опасном брошенном судне. Это предупреждение морякам, в свою очередь, было передано в Адмиралтейство, которое четверть часа спустя отправило сообщение «CQ» — кодовый сигнал, призывающий всех слушать, поскольку все суда были предупреждены об опасности.

Потрепанный старый рыбацкий парусник еще два часа с трудом пробирался сквозь бурные воды, пока не оказался под зелеными и красными огнями, обозначающими вход в гавань Кале; ловкий поворот штурвала Уильямсом вывел судно на спокойную воду, где после долгих маневров оно, наконец, было доставлено в рыболовецкий порт и пришвартовано к причалу.

Тотчас же на борт поднялись два французских полицейских в плащах с капюшонами, поскольку префект полиции уже был уведомлен капитаном Эвансом по прибытии «Острова Танет». Эванс и полицейский в штатском сопровождали их.

— Ну, Хардвик, что здесь не так? — резко и грубо спросил капитан.

— Не могу сказать, сэр. Но вы можете сами убедиться, — ответил его офицер.

Осмотр этого грязного, унылого маленького судна выявил поразительное состояние вещей.

На носу судна лежало тело светловолосого молодого человека в дешевом твидовом костюме. Он лежал, свернувшись калачиком, с искаженным лицом странного ярко-фиолетового оттенка и выпученными глазами; внизу, в маленькой каюте, освещенной единственной качающейся масляной лампой, на столе лежали остатки грубого ужина и осадок красного вина в эмалированных чашках. На полу лежали еще двое мужчин, умерших по неизвестной причине. Никто из них не был моряком, но лица всех троих были ужасно искажены, руки их были раскрыты, а не сжаты в кулаки, и лица ярко-фиолетовые. А вот от экипажа из четырех или пяти человек, который обычно работал на таком судне, не осталось и следа.

В каюте были обнаружены следы ожесточенной ссоры. На полу лежали осколки тарелок, но, возможно, их снесло со стола при качке судна во время траления.

Полиция начала тщательный обыск одежды убитых, но не нашла абсолютно ничего, что могло бы послужить уликой. Однако расследование показало, что молодой человек, найденный на носу лодки, был вовсе не мужчиной, а девушкой лет двадцати двух-трих со светлыми, коротко подстриженными волосами!

О странном открытии немедленно сообщили по телефону начальнику полиции Кале, который вместе со своим главным инспектором, известным детективом по имени Дюфур, был на борту. Тела всех троих были обысканы. У пожилого мужчины, наполовину лысого, в галстук была булавка с сапфиром василькового цвета, инкрустированная четырьмя бриллиантами, а в кармане лежала обратная половина билета первого класса от Лондонского моста до Гастингса. Внутренний карман куртки был почти полностью разорван, а на левой челюсти у него расплылся синяк — возможно, от удара кулаком или, может быть, от падения.

Девушка, одетая как мужчина, выглядела как леди. На руке у нее был массивный золотой браслет «Раб», стоимостью не менее пятидесяти фунтов, а на шее, под мужской рубашкой,

она носила тонкую золотую цепочку, на которой свисало кольцо из изумрудно-зеленого камня, который впоследствии был идентифицирован как хризопраз. В кармане брюк у нее лежала золотая монета в двадцать франков, очевидно, сувенир. Но на девушке не было никаких следов насилия, за исключением легкого обесцвечивания большого пальца на правой руке. Перчатка, снятая с левой руки, показала, что она иссохла и выглядела почти как рука скелета, тонкая кожа на костях была белой, как мрамор.

Третий мужчина выглядел примерно на тридцать лет. На нем были морские сапоги, как и на двух его спутниках, но на его мертвом лице читался невыразимый ужас, словно в момент смерти он пережил какой-то страшный шок. Его одежда была хорошо сшита, а при нем были найдены банкнота в два английских фунта и банкнота в пятьдесят французских франков. Ладонь его правой руки была порезана и кровоточила.

Всё остальное было окутано тайной. Где находилась команда рыболовецкого судна «СН.38»?

Французская полиция немедленно приняла меры и отправила краткое сообщение об обнаружении судна в Скотланд-Ярд, который, в свою очередь, позвонил в полицию Гастингса с просьбой немедленно выяснить, кто является владельцем «СН.38» и что случилось с пропавшим экипажем.

Вскоре выяснилось, что произошло нечто странное. Судно принадлежало рыболовецкой компании, штаб-квартира которой находилась в Гримсби, и которая владела судами, курсирующими из Бриксема, Ярмута и других мест. Капитана звали Бен Бенхэм, он недавно переехал из Гримсби, как и трое членов экипажа. Первоначальный экипаж судна был переведен в Гримсби, и Бенхэм со своими людьми заняли их место. До этого они совершили всего четыре рейса, но то, что с ними произошло той ночью, оставалось полной загадкой.

Полиция Гастингса, при содействии двух опытных офицеров из Скотланд-Ярда, провела все необходимые расследования, но все они оказались безрезультатными. Полиция Кале поступила аналогично: расследования были проведены во всех портах Па-де-Кале, но безрезультатно.

Таким образом, проблема, поставленная перед Клубом месье Дюбоском, оказалась чрезвычайно сложной. Кто были эти двое мужчин и девушка, одетая в мужскую одежду? И почему они находились на борту рыбацкой лодки? Где экипаж? Какова была цель путешествия этих троих? Что произошло во время рокового рейса? — вот некоторые из вопросов.

— Были ли сделаны фотографии погибших? — поинтересовался Морис Жакино.

— Да. У меня есть фотографии, — подтвердил шеф Сюрте и передал три неоправленные фотографии погибших в том положении, в котором они были найдены.

Каждый из присутствующих по очереди рассматривал их, передавая по кругу за столом. Но больше всего ими заинтересовался пожилой седовласый доктор Анри Плауд. Он внимательно осмотрел снимки через свои большие круглые очки, слегка поджав губы, и передал их полному барону д'Атенаку, сидевшему справа от него.

Затем последовала дискуссия, длившаяся более двух часов, в которой приняли участие Гюстав Делькро, Гордон Латимер и очаровательная темноволосая парижанка Фернанда Бюисс. Последняя, добившаяся успеха в случае с «Золотым кузнечиком», была полна энтузиазма и желания. Она предложила что члены Клуба должны немедленно объединиться и провести независимое расследование.

План был принят с решением, что руководство расследованием следует оставить в руках седовласого доктора Плауда, а Гордон Латимер, бодрый и энергичный англичанин, должен немедленно отправиться в Гастингс в сопровождении мадемуазель Фернанды и молодого журналиста Мориса Жакино.

Судебное расследование, проведенное французскими властями в Кале, ничего не выявило, поэтому было решено не публиковать информацию об этом деле в газетах, чтобы не

встревожить тех, кто обладал тайной информацией о произошедшем. Тела неизвестных жертв были должным образом похоронены, а дело передано в руки «Клуба преступлений».

20 декабря Гордон Латимер и Фернанда Бюисс, которые вместе с другими почти три месяца вели активные расследования в Гастингсе, Фолкстоне, Кале, Лондоне, Париже и других местах, сидели вместе в тихом подземном помещении, где царили танцы и выпивка — в притоне на Греческой улице в Сохо, одном из самых сомнительных мест лондонского преступного мира. Гордон пришел туда один и угостил выпивкой двух или трех девушек того типа, которые обычно встречаются в таких местах. Затем он сделал вид, что «подбирает» себе девушку.

Фернанда, умная молодая француженка, с которой он сейчас сидел, за последние несколько недель стала постоянной посетительницей этого заведения.

Они пили русский чай и вдруг она, подняв стакан, прошептала по-французски:

— Это та девушка — в коричневом платье, с рыжими волосами!

Указанная ею девушка была лет двадцати пяти, довольно утонченная, хрупкая на вид и хорошо одетая.

По ее непринужденной манере поведения, накрашенным губам и беззаботному смеху было ясно, что она ничем не отличается от других девушек, посещавших это место, и некоторые из них обладают отвратительным характером. Светловолосый юноша, с которым она танцевала в тот момент, был известен как «Джимми-художник», а в действительности являлся одним из воров-домушников, время от времени вызывающих большую тревогу среди лондонских домовладельцев.

Латимер посмотрел на девушку и спросил:

— Вы уверены?

— Я никогда ни в чём не уверена, — рассмеялась элегантная француженка. — Только из того, что рассказала девушка, думаю, она кое-что понимает в этом деле. Может, пригласить её сесть с нами?

— Нет. Я приду сюда один завтра вечером, — сказал он, и они продолжали сидеть, пить чай, курить сигареты, а потом потанцевали.

Молли — так звали девушку, на которую указала Фернанда. У таких девушек нет фамилий. Они слишком часто меняют их, когда за ними следит полиция. Она рассмеялась, глядя на Фернанду, как знакомой, а затем вопросительно взглянула на ее спутника, словно оценивая его как голубя, которого нужно ошипать, — именно этого и желал Латимер.

Благодаря совместным усилиям пятерых членов «Клуба преступлений», они, в некотором смысле, добились успеха.

Они нашли Генри Хейса, сотрудника корпорации Гастингса. Он опознал фотографии двух мужчин и девушки, найденных на рыбацкой лодке, как пару, которую он видел, поедающую бананы на пляже, а затем встречающуюся с девушкой в магазине. Вот и все.

Как они оказались на борту рыболовецкого судна и по какой причине девушка превратилась в мужчину, оставалось абсолютной загадкой.

Старый доктор Плауд, как руководитель следствия, руководствуясь своей безошибочной интуицией, перенес сферу своего расследования в Лондон. Там Латимер и Фернанда вместе с проницательным журналистом Жакино и господином Делькро приступили к работе, действуя тщательно, методично и научно, всегда помня, что в любом крупном преступлении всегда фигурирует женщина.

Но в чём же заключалось преступление? Что произошло посреди Ла-Манша в ту роковую сентябрьскую ночь?

Иностранец всегда может узнать больше в лондонском космополитическом преступном мире, чем англичанин, как вам скажет любой лондонский детектив. Космополитический преступник смотрит на каждого англичанина как на «доносчика», полицейского «нюхача» или

осведомителя. Поэтому иностранному детективу в Лондоне всегда легче работать, если он знает места, где обитают преступники, и становится их постоянным клиентом.

Именно на это указал Плауд, и его предложение было немедленно принято.

Действительно, бойкая Фернанда и её танцы стали настоящей визитной карточкой этого притона, известного преступникам Вест-Энда как «Старый Джейкоб». В этот подвал или несколько подвалов с их обшитыми досками, покрашенными в белый цвет стенами с грубыми футуристическими рисунками, заманивали многих лондонских посетителей, чтобы они провели там «весёлый вечер», а затем оставляли их там без кошелька или, накачав наркотиками, уводили в какой-нибудь ещё более отвратительный притон. Полиция хорошо знала о «Старом Джейкобе», и сам Джейкоб, некогда адвокат, а теперь хитрый старый преступник, проводивший несколько лет в Дартмуре за присвоение денег своих клиентов, всегда принимал все необходимые меры предосторожности. Когда проводили обыск, выяснялось, что это место принадлежит другому человеку, которого должным образом штрафовали, а «Старого Джейкоба» на следующий день переводили в другой подпольный притон.

В Скотланд-Ярде всегда утверждали, что в «Старом Джейкобе» собиралась самая опасная банда преступников в Лондоне.

Все попытки Плауда и его спутников установить личности двух незнакомцев, прибывших тем сентябрьским вечером в Гастингс, встретивших девушку и угостивших ее бокалом вина, а позже найденных мертвыми на брошенном судне посреди Ла-Манша, оказались безрезультатными.

«Клуб преступлений» провел три заседания в Париже, на которых сообщалось о ходе расследования и обсуждался этот вопрос, но спустя три месяца казалось, что вся организация экспертов зашла в тупик. С другой стороны, утверждалось, что четверо членов экипажа рыболовецкого судна не могли полностью исчезнуть — если только они не утонули, что маловероятно. Кроме того, корабельные огни были намеренно погашены, что подтверждало теорию об убийстве троих и оставлении судна. Также пропала одна из небольших лодок, хотя ее никто не видел. Возможно, она скрылась в темноте либо у французского, либо у английского побережья.

Зацепка, которой следовала проницательная молодая французская журналистка, — поскольку общественность ничего не знала о сенсационном открытии — была лишь весьма незначительной. В ходе длительных расследований, в которых Жакино принимал активное участие, выяснилось, что человек, несколько похожий на того, кто носил сапфир в галстук, был известен в лондонском преступном мире как опытный вор по имени Орландо Мартин, имевший около дюжины псевдонимов. По всей видимости, он никогда не попадал в неприятности, как и его сообщник, поскольку отпечатки пальцев на руках убитых, снятые полицией Кале, не совпадали ни с одним из сотен тысяч записей, хранящихся в Скотланд-Ярде.

В таких обстоятельствах, когда неудачи шли одна за другой, а доктор Плауд открыто выражал пессимизм по поводу возможности разгадать эту тайну, Гордон Латимер, одетый в смокинг, как-то вечером заглянул в «Старый Джейкоб» и вскоре разговорился с Молли, девушкой со стройными ногами. Они сидели вместе, пили кофе с ликёром «Куантро» и смотрели танцы. Он притворялся, что живёт в Корнуолле и приехал из Труро на отдых. Гордон сказал ей, что занимается продажей автомобилей, но вот, неожиданно продав полдюжины машин, решил взять себе отпуск и отправиться в Лондон.

Девушка вскоре поняла, что он легко поддается ее чарам. Латимер пообещал встретиться с ней и пригласить пообедать на следующий день; что и сделал. В течение следующих трех дней он проводил большую часть времени в ее компании, постоянно тратя на нее деньги, но по вечерам они всегда танцевали в «Старом Джейкобе». Там они дважды встречались с Фернандой, когда та приходила туда одна, и она присоединялась к ним.

Однажды вечером, получив телеграмму из Парижа об очередном открытии, Гордон решил предпринять смелую попытку что-нибудь узнать, ведь если подозрения Фернанды верны, то Молли, возможно, сможет разгадать эту загадку.

Они уехали из «Джейкоба» в три часа ночи, и он предложил проводить ее на такси до ее квартиры в Баронс-Корт, недалеко от Западного Кенсингтона.

В такси он вдруг взял ее за руку и сказал:

— Молли, ты тупица. Ты меня не узнала?

— Узнала тебя? — воскликнула она, внезапно вздрогнув. — Что ты имеешь в виду?

— Ты принимаешь меня за дурака. Ты не узнаешь Берта Дэвиса — друга «Сахара»!

— Берт Дэвис! — ахнула девушка. — Ты действительно Берт — его лучший друг?

— Да. Я вышел из тюрьмы Скраббс месяц назад и поехал в Париж, чтобы найти Мэйзи. Но я нигде не могу найти «Сахара». Где он? Я знаю, что он был глубоко влюблен в тебя. Он много раз мне об этом говорил. Надеюсь, он не сидит в тюрьме?

Проницательная девушка, чей ум закалился криминальной жизнью, несколько мгновений молчала. Тедди Кэнди, известный в лондонском преступном мире под прозвищем «Сахар», и в которого она была влюблена, часто рассказывал о своем близком друге, искусном шантажисте по имени Берти Дэвис. Тот сидел в тюрьме из-за небольшой оплошности.

— Ты же не доносчик, правда? — осторожно спросила девушка.

— Конечно, нет. Мейзи меня знает. Как и Дик Дейл. «Сахар» носил синюю сапфировую булавку для галстука, которую он однажды ночью украл у молодого итальянского принца, не так ли?

— Дик сидит в тюрьме — стрелял в полицейского в Кингсленде и получил хорошую взбучку от судьи.

— Мне жаль. Дики — один из лучших. Помнишь дело на Хамбер-стрит — мерзкое дело, — но Дики помог Тедди, не так ли?

— Да. Нам всем повезло. Я не люблю оружие. Но мы получили почти по две тысячи долларов каждый.

— А как же «Сахар»? Где я могу его найти? — спросил ее привлекательный компаньон.

— Я не знаю — и это факт, — ответила она с сожалением. — Я не видела его и ничего о нём не слышала с сентября.

— Может, он сидит в тюрьме?

— О нет. Он исчез.

— Как?

— Не знаю, — ответила девушка. — У него и Тони Дональда был большой бизнес — какие-то банковские дела, как он мне сказал. Однажды в сентябре он ушел от меня после обеда в «Трокадеро», и с тех пор я его не видела. Тони тоже пропал!

— «Сахар» когда-нибудь встречался с крупным, коренастым мужчиной с бородой, грубым, с довольно низким голосом, неопрятным типом, похожим на моряка?

— Ты имеешь в виду того, кто приехал из Гастингса, а? «Сахар» сказал мне, что он один из нас, и они ведут совместный бизнес.

— Это всё, что он тебе сказал? — спросил Латимер.

— Что это тебя так интересует, парень? — друг заинтересовалась девушка. — Какое тебе до этого дело, а? Я приняла тебя за дурака, но ты точно не дурак, — рассмеялась она. Такси остановилось у её двери, и она сказала: — Заходи и выпей, прежде чем вернуться.

Латимер, обрадованный полученной информацией, принял приглашение девушки, поднялся на третий этаж в небольшую уютно обставленную трехкомнатную квартиру, где сел и принял налитый ею виски с содовой.

Через десять минут она спустилась вниз и расплатилась с таксистом, сказав, что её друг остаётся. Но на самом деле Гордон Латимер в этот момент лежал без сознания на полу под сильным воздействием наркотиков.

— Ты стукач, проклятая свинья! — закричала она, вернувшись и яростно пиная его безжизненное тело. — И ты пожалеешь о своём любопытстве. Ты не друг, ни «Сахара», ни Бена Бенхема!

Она подошла к телефону и позвонила некоему Джо, настоятельно попросив его немедленно приехать.

Через полчаса появился плохо одетый, неопрятный сорокалетний мужчина со зловещим, преступным лицом, и она рассказала ему эту историю.

Мужчина нахмурил брови и несколько мгновений молчал. Затем он сказал:

— Если он действительно что-то знает о «Сахаре», то, возможно, сможет нам помочь. Не делай ничего опрометчивого. Для нас будет лучше, если он останется жив, чем, если умрет. Мы дадим ему оправиться и развяжем язык, — добавил бывший заключенный. — С ним наверняка кто-то есть, и за ним могли следить здесь. Так что терять время нельзя. Дай ему то, что приведет его в чувство, — настаивал он.

Она прошла в соседнюю комнату и вернулась с маленькой бутылочкой, из которой капнула около двадцати капель в воду и поднесла её к губам Латимера. Он неосознанно выпил, и через десять минут снова пришёл в себя, поражённый тем, что оказался лицом к лицу с незнакомцем.

— Ну, сынок? — спросил зловещий мужчина, отсидевший много лет в каторжных работах. — Что ты знаешь о «Сахаре»? Если скажешь мне, где он, выйдешь отсюда живым. Но если нет, то завтра полицейские найдут тебя мёртвым — яростно сказал он, выхватывая револьвер и поднося его к лбу. — Теперь поговорим о деле. Что ты знаешь о «Сахаре»?

Гордон Латимер, понимая, что оказался в безвыходной ситуации, решил, что лучше всего сказать правду.

— Я знаю только, что он мертв.

— Мертв! — истерически закричала девушка. — Откуда ты это знаешь?

— Прежде чем ответить, я хочу задать вопрос. Бен Бенхэм жив?

— Конечно, — ответила Молли.

— Тогда я могу сказать тебе, что «Сахар» мертв, и вот его фотография, сделанная французской полицией, — смело заявил Латимер, доставая три фотографии из записной книжки.

При виде первой из них девушка Молли вскрикнула и чуть не упала в обморок.

— Да, это «Сахар» — бедный, дорогой «Сахар»! Он умер, а ведь он меня любил! Простите меня — простите нас — и расскажите нам все, что вы знаете. Что случилось с «Сахаром» и с Тони Дональдом?

— Они оба мертвы — и эта девушка тоже — одета как мужчина. — И он показал им остальные фотографии.

— Гвен! — воскликнула Молли. — Это Гвен! Она тоже мертва! Расскажи нам, что случилось. Где их нашли?

Оба стояли с открытыми ртами, в ужасе.

— Как ваша маленькая французская подружка узнала обо всем этом? — спросил старый преступник по имени Джо Хоукер, опытный фальсификатор.

— Если я вам расскажу, я буду ожидать от вас всего, что вы знаете об этом деле, — сказал молодой изобретатель радио.

— Договорились, — ответила Молли. — Нам есть, что вам рассказать — гораздо больше любопытного, чем вы можете себе представить. Откуда она могла заподозрить, что я что-то знаю?

Молодой радио эксперт на несколько секунд задумался, а затем решил, что прямолинейность — лучший вариант.

— Дело в том, мисс Молли, — начал он, — что профессор Плауд, французский судебно-медицинский эксперт, увидев фотографии, сразу же заподозрил неладное. Судя по положению и виду тел, вытянутым ладоням и фиолетовому цвету лиц, он предположил, что смерть наступила от почти неизвестного, но очень тонкого и смертельно опасного наркотического яда под названием «энконин». Только у одного человека в Лондоне, имя которого известно профессору, этот яд можно достать тайно, и за него просят очень высокую цену. Этот факт заставил нас тщательно обыскать лондонский преступный мир в поисках тех, кто его приобрел. Нам было известно о шести таких людях, но наше расследование сузилось до вас. Вы купили яд для своего друга Кэнди и оставили немного себе. Именно его вы только что подмешали мне в напиток. Вы не можете этого отрицать!

Девушка была потрясена этим обвинением и не могла произнести ни слова.

— Я не хочу причинить вам вред, — тут же заверил он ее. — Я лишь хочу разгадать тайну. Мы выяснили правду до определенного момента — вы получили наркотик, который стоил жизни Кэнди, Дональду и девушке Гвен.

— Но что с ними случилось? — задыхаясь, спросила девушка. — Они же не покончили с собой.

— Прежде чем рассказать вам, я хочу узнать, чем занимались Кэнди и Дональд, и в чем был их «интерес».

— Ну, вы, несомненно, видели в газетах в августе прошлого года, что сейф Каррона, крупного частного банка в Сити, был взорван после того, как ночной сторож был отравлен газом, и почти четверть миллиона была увезена в синем автомобиле.

— Да, помню, — ответил Латимер.

— Ну, «Сахар» и Тони справились, а Гвен отравила сторожа газом. Они спрятали деньги в доме у моря в заливе Певенси, но однажды все трое пропали, как и старый Бен Бенхэм, и с тех пор о них ничего не было известно, пока вы не показали нам, что они мертвы.

— Теперь становится совершенно ясно, что же произошло на самом деле, — ответил Латимер. — Кэнди и двое ваших друзей, несомненно, боялись полиции и стремились тайно переправить добычу через Ла-Манш, где можно было бы избавиться от ценных бумаг. Они договорились со шкипером Бенхэмом, которого сочли умелым контрабандистом, чтобы он переправил их и их сокровища во Францию той же ночью.

Они поднялись на борт после наступления темноты и, как обычно, взяли курс на рыбалку. Бенхэм, очевидно, укравший наркотик у Кэнди без его ведома, предложил всем троим выпить, что привело к трагическим последствиям. Затем он забрал деньги и ценные бумаги, щедро заплатил команде за молчание и спустил шлюпку. Погасив огни судна, они поплыли к французскому побережью, где капитан и команда, которую он заставил поклясться молчать и оставаться во Франции, разделились. Три часа спустя судно было замечено пароходом, курсировавшим через Ла-Манш, и тела были обнаружены в том положении, в котором вы их видите.

— Значит, это Бенхэм убил их! — истерически закричала девушка. — Мы убьем его!

— В этом нет необходимости, — ответил Латимер. — Сегодня днем я получил телеграмму парижской полиции о том, что в небольшом отеле в Руане был обнаружен человек, очень похожий на капитана Бенхэма, хотя он и сбрил свою седую бороду и усы. Однако, когда полиция пришла его арестовать, он застрелился. В комнате было обнаружено около семнадцати тысяч фунтов наличными и почти все ценные бумаги из ограбленного банка.

Дело номер три. Человек с косоглазием

Незадолго до девяти часов вечера 8 января 1923 года почтальон, совершая свой последний обход, опустил письмо в почтовый ящик небольшого дома на одной из невзрачных улиц Южного Лондона. Адрес был: дом 293 по Мина-роуд, поворот с Олд-Кент-роуд.

В этом шестикомнатном, обветшалом старом доме, входящем в длинный ряд домов, жила бедная вдова-инвалид по имени Вержетт, которая последние десять лет находилась в стесненных обстоятельствах.

Будучи одна в доме она, идя по коридору, нашла письмо, надела очки и вскрыла его. К своему удивлению, она обнаружила внутри половину пятидесятифунтовой банкноты Банка Англии. И всё. Никакого письма или подсказки от отправителя не было. Письмо было отправлено из лондонского района Восточного побережья, и адрес напечатан.

В своем невежестве она считала подлым поступком — изуродовать и уничтожить банкноту на такую сумму, поэтому два часа сидела у кухонного камина, гадая, кто ее прислал и зачем? Наконец вдова пришла к такому выводу: кто-то, зная о ее крайней нищете, прислал ей половину купюры, чтобы подразнить, показать ей, что есть такие богатые люди, которые могут позволить себе уничтожать банкноты.

Однако на следующее утро ее взгляды изменились, когда почтальон принес ей еще одно письмо, в точности похожее на первое, содержащее недостающую половину пятидесятифунтовой банкноты. Она упомянула о получении двух писем своему соседу, молодому клерку из Сити, на что он ответил, что если она склеит половинки вместе, банкнота будет равна пятидесяти фунтам и может быть обналичена где угодно.

Однако она боялась это сделать, опасаясь, что закон настигнет её, и, хотя у неё оставалось всего несколько шиллингов, она спрятала обе половинки банкноты в ящик.

В течение следующей недели она почти умирала от голода. Ее замужняя дочь обычно присылала ей мизерные еженедельные деньги, на которые она жила, но та уехала в Испанию с мужем по делам, и обычное письмо, по-видимому, задержалось.

Семь дней спустя произошло то же самое. Миссис Вержетт получила две половинки пятидесятифунтовой купюры последовательными почтовыми отправлениями. Затем, три дня спустя, вдова получила еще одну пятидесятифунтовую купюру, также разделенную пополам. И все же, она по-прежнему боялась передавать деньги другим из страха быть арестованной. Женщина знала о недопустимости искажать монеты, и считала, что банкноты также не следует разрезать пополам.

Все ее немногочисленные шиллинги были потрачены, и, ожидая денежного перевода от дочери, она голодала, пока однажды соседка не увидела ее лежащей на дорожке узкого заднего двора в состоянии полного истощения. Проинформировали полицию, и ее на машине скорой помощи отвезли в больницу Святого Георгия. Там ей дали еду, и вскоре она поправилась. Тем временем, как это обычно бывает, полиция, заподозрив трагедию, обыскала дом и обнаружила шесть половинок банкнот, тщательно спрятанных. Они заподозрили, что это часть из ограбленного, и записали номера, которые в итоге совпали с номерами банкнот, украденных у богатого голландского купца, находившегося в Париже. Вдову допросили, и, к счастью, она смогла предъявить последний из шести конвертов, полученных от неизвестного источника. Два дня спустя утренней почтой ей принесли половину стофунтовой банкноты, а вечером — вторую половину.

Она передала их полиции, которая сразу же установила, что и вторая банкнота была среди украденных.

Скотланд-Ярд занялся этим делом и был крайне озадачен. Миссис Вержетт считалась вполне порядочной пожилой женщиной, и то, почему именно она получала украденные банкноты, было, безусловно, проблемой, которую они так и не смогли решить.

Вскоре после этого пришли еще три стофунтовые купюры, как и предыдущие украденные у голландского купца, которые она должным образом передала полиции. Были проведены расследования относительно прошлого женщины, но в ее жизни не было ничего даже отдаленно подозрительного.

Господин Ван Ордит из Амстердама остановился в одном из главных отелей Парижа и однажды вечером отправился на Монмартр. Там, в кабаре, он встретил друзей, и они вместе поужинали, но после ужина он обнаружил, что у него украли бумажник, вполне вероятно, тот, кто к нему прижался. В тот день он снял деньги в парижском отделении лондонского банка и поэтому сразу же смог сообщить полиции номера.

Однако эта загадка была лишь незначительной. Парижская полиция провела расследование. В качестве подозреваемых были названы несколько известных карманников, но арестов произведено не было. Более того, их внимание, а также внимание Скотланд-Ярда, внезапно сосредоточилось на странном деле, которое тщательно скрывалось от общественности. Мир оказался в неведении о таинственном исчезновении брата короля Греции, принца Эрнеста Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургского с подозрением на преступление.

В последний раз его видели идущим по Бонд-стрит, но в отель «Кларидж» он не вернулся, и никаких следов принца найти не удалось. Министерство иностранных дел в Афинах в условиях строжайшей конфиденциальности разослало всем своим зарубежным представительствам просьбу обратиться за помощью к полиции стран, в которой они аккредитованы, чтобы разгадать эту тайну. Полиции Европы, а также Скотланд-Ярду было направлено подробное описание пропавшего принца, в котором указывалось, что ему сорок лет, волосы и усы темные, довольно высокий лоб, длинное бледное лицо с выступающими скулами, узко посаженные темные глаза. Отличительная черта: легкое косоглазие левого глаза с слегка прикрытым веком.

Точные детали таинственного исчезновения были рассмотрены и обсуждены на еженедельном собрании «Клуба», на котором присутствовали девять членов. Отсутствовал лишь мэтр Жан Тессье, который находился в Марселе, где защищал печально известного отравителя Куже, впоследствии казненного на гильотине.

Дородный барон д'Атенак изложил известные факты, предоставленные Люсьеном Дюбоском. За столом сидели девять человек, — все эксперты в своих областях медицины, права и криминалистики — и внимательно слушали, как барон излагал им загадочные факты.

— Принц по натуре несколько замкнут и ненавидит публичность в любой форме, — сказал барон. — Он прибыл из Афин в Париж инкогнито, в сопровождении лишь своего верного камердинера Джорджа Эпитеса.

Последний заболел и в день исчезновения был помещен в дом престарелых. Принц, назвавший себя Андреасом Буракисом, после двух недель в Париже отправился в Лондон и остановился в отеле «Кларидж» под тем же именем. Он хорошо там известен и прекрасно знает Лондон. Кроме того, у него немало друзей, и его часто видят в высшем обществе. Рождество он провел в загородном доме в Йоркшире, а затем вернулся в Лондон. В последний раз принца видела днем 28 декабря леди Кроссфорд, которая встретила его на Бонд-стрит, недалеко от угла Клиффорд-стрит, и он снял перед ней шляпу. Его сопровождала довольно полная, аристократически выглядящая женщина лет сорока пяти, очень хорошо одетая. С этого момента о нем ничего не было слышно. Его багаж в отеле был вскрыт в надежде найти зацепку к исчезновению — письмо или сообщение; однако там никаких бумаг обнаружено не было, за исключением его чековой книжки на Вестминстерский банк, которая ничего не прояснила. Вот в чём проблема, господа, — проблема, которую расследуют полиции Европы, но безрезультатно. Принц Эрнест шел по Бонд-стрит с дамой и просто исчез.

— Первое, что нужно установить, это личность дамы — той хорошо одетой дамы, — заметил Морис Жакино.

— Верно, — согласился Гордон Латимер, сидевший рядом с Фернандой Бюисс. — Но, конечно же, должен быть какой-то мотив, — продолжил он. — Светские львы, вроде принца, не дураки, чтобы попасться на уловки мошенников. Возможно, его соблазнила какая-то женщина — может быть, та полная дама.

— Леди Кроссфорд дала ее подробное описание, — сказал барон. — У нас оно есть. Возможно, наш друг Дюбоск прочтет его именно в том виде, в котором это было распространено.

Стройный мужчина с темной бородой, Люсьен Дюбоск, элегантно одетый, с красной розеткой в лацкане, преемник великого Горона, улыбнулся и прочитал с лежащего перед ним листа бумаги описание женщины: темноволосая, лет сорока, красивая, хорошо сохранившаяся, сшитый на заказ костюм цвета корицы, шляпа в тон и бриллиантовая брошь в форме двойного треугольника.

— Возможно, ее видели в «Кларидже», — предположила бодрая Фернанда.

— Ее там никогда не видели, — быстро ответил Дюбоск. — Кроме того, принц отнюдь не был ловеласом. Вчера со мной был греческий министр, который сказал, что крайне важно найти Его Королевское Высочество, поскольку жизнь принца застрахована на очень большую сумму в нескольких британских страховых компаниях, и есть подозрение на нечестную игру. Его камердинер, Джордж Эпитес, заявил, что всего за три недели до своего исчезновения хозяин составил завещание в пользу молодой английской девушки, к которой, по-видимому, у него возникла привязанность. Он познакомился с этой девушкой на Ривьере прошлой зимой.

— Как её звали? — поинтересовался профессор Плауд.

— К сожалению, камердинер не знает её фамилии. Он слышал, как к ней обращались как Мэри. Он был свидетелем завещания, но оно было так сложено, что он не увидел имени. Завещание было составлено в отеле «Негреско» в Ницце, и другим свидетелем был официант, — ответил Дюбоск.

— Где завещание? — спросил Гордон Латимер.

— Кто знает? Его существование так же загадочно, как и единственный наследник, — пояснил начальник службы безопасности. — Страховые выплаты вместе с личным состоянием Его Высочества составляют очень большую сумму. Но поскольку исчезновение произошло в Лондоне, мы оставляем Скотланд-Ярду разбираться с этой загадкой. — Он сделал паузу. Затем, откашлявшись, сказал: — Уважаемые господа, я должен сообщить вам еще более странный факт, значительно усложняющий ситуацию; он совершенно необъясним и делает тайну одной из самых удивительных, с которыми нам, парижской полиции, когда-либо приходилось иметь дело. Вопрос в следующем: когда после исчезновения принца обыскали его вещи, в его стальном портфеле с английским запатентованным замком, который был открыт производителями, оказалось почти тысяча фунтов стерлингов английскими банкнотами. Номера были записаны с целью установить личность человека, от которого принц их получил, и выяснилось, что они соответствуют номерам банкнот, которые бедная женщина из Южного Лондона получила анонимно по почте частями. А эти банкноты были украдены у голландца в Париже в то время, когда принц проживал там в «Гранд-отеле» под именем Андреаса Буракиса.

— Очень странно — очень! — заметил профессор Лемелетье. — Возможно, это мошенник, который выдает себя за принца?

— Конечно, нет, — возразил Дюбоск. — Эта теория была исследована в Лондоне, и установлено, что человек, живший в «Кларидже», на самом деле — принц. Недавно это подтвердили около дюжины человек, знающих его в Лондоне. Но остается тот факт, что украденные купюры находились в его распоряжении, и что несколько украденных в то время купюр были отправлены голодающей вдове, живущей в неприметном квартале Южного Лондона.

— Очень интересная проблема! — откликнулся Жакино. — Неужели принц может быть карманником? Допрашивали ли вдову в Южном Лондоне?

— Да, — сказал Дюбоск. — Именно она отнесла купюры в полицию. Ее допросили, и она действительно ничего не знает, ни об анонимном отправителе, ни о принце.

— Есть ли у нее какие-либо родственные связи? — спросила Фернанда.

— Дочь, замужем за горным инженером по имени Гарсия, который находится в Барселоне.

— Если уж мы взялись за это дело, думаю, нам следует начать с него, — со всей серьезностью произнес профессор с выступающей нижней челюстью. Его медленные, терпеливые методы работы с доказательствами в делах о тяжких преступлениях были известны во всем мире. В суде, когда его вызывала сторона обвинения, он разрывал доказательства защиты на части, используя свои новейшие и самые современные научные методы, включая смертельный зеркальный тест на мышьяк в случаях подозрения на отравление. — Я сам хорошо знаю Барселону и готов сделать первую попытку в нашем расследовании, — добавил он.

Его предложение приняли единогласно; было также решено, что Гордон Латимер сопровождает профессора в Испанию и проведет предварительное расследование. Принц исчез, не оставив никаких следов, кроме украденных банкнот. Ситуация представляла большой интерес для того небольшого круга криминалистов, которые объединились, чтобы помочь полиции в решении сложных проблем, постоянно ставящихся перед ней. Как обычно, каждый член был готов помочь внести свой вклад в терпеливый и неустанный поиск истины.

Профессор и Латимер прибыли в Барселону несколько дней спустя, путешествуя через Порт-Бой; остановились они в скромном отеле «Универсо» на площади Паласио. Несколько предусмотрительных расспросов позволили выяснить, что горный инженер Альфонсо Гарсия, руководивший разведочными бурениями на медном руднике в Мороне, Андалусия, отдыхал в Ситжесе, очаровательном приморском курорте недалеко от Барселоны. Он остановился со своей женой в отеле «Сабурт».

В этом отеле Латимер разместил свой штаб, и, так как он был англичанином, сеньора Гарсия, естественно, завязала с ним разговор.

Они много раз беседовали в холле отеля. Латимер объяснил, что он писатель, который приехал в Испанию за свежими идеями, а она рассказала ему, что приехала из Лондона, где живет ее мать.

Однажды вечером, когда они сидели вместе после ужина на террасе с видом на залитое лунным светом Средиземное море, и поскольку Гарсия отсутствовал в Барселоне, Латимер ловко задал ей вопрос о родственных связях. И мадам спокойно ответила:

— Я очень редко вижу со своими родственниками. Я не видела свою мать с тех пор, как вышла замуж десять лет назад. Конечно, я регулярно пишу ей. Мой отец оставил ее в довольно обеспеченном положении, и она живет в Лондоне.

Это не соответствовало фактам, которыми располагала полиция. Мать мадам была вовсе не обеспеченной. Она чуть не умерла от голода, когда прекратились регулярные денежные переводы. Латимер не осмеливался сказать ей об этом, опасаясь вызвать подозрения. Жена Гарсии была очень красивой женщиной, с внешностью несколько пышной, и, в некоторой степени, чересчур нарядной. Но это обычное явление для англичанок, вышедших замуж за иностранцев.

Латимер, выдавая себя за странствующего англичанина, начал болтать о людях, которых встретил во время своих странствий по Европе, и в ходе своих занимательных сплетен проронил, наблюдая за лицом женщины:

— В прошлом сезоне в отеле «Негреско» в Ницце я познакомился с очень приятным человеком, греком по имени Буракис. Мы очень подружились, я часто ходил с ним на прогулки, и пару раз с ним ездил на машине в Монте-Карло. Он показался мне чрезвычайно утон-

ченным человеком. Но однажды, несколько месяцев спустя, я был поражен, увидев его портрет в парижской газете «Дейли Мейл» и узнав, что он на самом деле принц Эрнест, брат короля эллинов.

Он смотрел на женщину, прямо на ее лицо падал лунный свет, придавая ему мертвенную бледность. Но ни одна мышца ее век не дрожала.

— Как любопытно! — холодно заметила она. — В путешествиях часто встречаются интересные люди. Я знала многих.

Ее поведение быстро убедило молодого английского изобретателя радио, что эта несколько чересчур нарядно одетая англичанка, которая каким-то образом обладала своеобразным обаянием отставной актрисы, ничего не знала о пропавшем принце.

Поэтому на следующий день он вернулся в Барселону и признался профессору, что их поездка в Испанию была напрасной.

— Но почему исчез принц? Почему часть содержимого бумажника голландца была найдена среди его вещей? Мы должны провести расследование в Лондоне, — заявил профессор.

— Принц исчез в Лондоне. Вы подозреваете неладное, я полагаю?

— Конечно, подозреваю. Страховка в пользу неизвестной девушки, Мэри, вызывает у меня подозрения. Конечно, есть сотня причин, по которым человек может исчезнуть — любовная связь, насколько нам известно! Семья принца не может нам помочь. Он был холостяком, ни о чем не беспокоившимся, и одним из самых завидных женихов Европы с точки зрения возможности вступить в брак, — рассуждал судебно-медицинский эксперт. — В любом случае, оставаясь здесь, мы теряем время.

Три дня спустя они оказались в Лондоне, где их ждали журналист Морис Жакино и Фернанда Бюисс. Однако Латимер перед отъездом вернулся в Ситжес и тайком сфотографировал мадам Гарсию, сидящую в саду отеля.

После конференции, состоявшейся в отеле «Чаринг-Кросс», где разместилась штаб-квартира квартета, Гордон Латимер отправился поездом в Дарем, откуда на автомобиле добрался до Хесселдон-холла и навестил леди Кроссфорд.

Последняя уже собиралась одеться к ужину, когда дворецкий достал визитку Латимера с запиской, в которой тот просил ее дать ему интервью. Ожидая в красивой старинной библиотеке, куда его проводили, он прогуливался, любуясь различными предметами искусства, которые там хранились, как вдруг дверь открылась, и вошла леди Кроссфорд, высокая, красивая, хорошо сохранившаяся седовласая женщина.

— Должен извиниться за визит в такое время, но я не смог приехать из Лондона раньше, — пояснил он. — Мой вопрос довольно любопытный, — и, достав из кармана фотографию, спросил: — Вы случайно не узнаете кого-нибудь на этой фотографии? Вы когда-нибудь видели эту даму?

Она поднесла снимок к лампе с абажуром на письменном столе и, наклонившись, с любопытством рассмотрела. Затем внезапно воскликнула:

— Да это же та женщина, которую я видела с принцем Эрнестом на Бонд-стрит! — А мгновение спустя добавила: — Уверена, что это она! Кто она? Вы знаете, что принц исчез, и полиция несколько раз приходила ко мне, так как я последняя, кто видела его живым. Его Высочество несколько раз был моим гостем здесь, поэтому я хорошо его знаю. Кроме того, его полужакрытый левый глаз так бросается в глаза. Женщину нашли?

— Едва могу сказать, — неуверенно ответил Латимер, потому что опознание заставило его сердце затрепетать. — Полагаю, вы не сомневаетесь, что это именно та женщина, которую вы видели с ним на Бонд-стрит?

— Ни капельки. Вы детектив?

— Я просто проверяю неожиданно появившуюся зацепку, — ответил Латимер. И затем, после некоторого разговора, он удалился.

На следующее утро он снова был в отеле «Чаринг-Кросс». Отчет англичанина вызвал большое удовлетворение у его спутников, которые поняли, что если леди Кроссфорд не ошиблась, то за этим скрывается какая-то великая тайна. Латимер внезапно показал фотографию, и она быстро опознала ее.

Таким образом, стало ясно, что дочь старой миссис Вержетт — это та хорошо одетая женщина, которая прогуливалась с принцем по Бонд-стрит.

Но где же принц? Почему часть украденных банкнот была разрезана пополам и анонимно отправлена бедной вдове в Южный Лондон?

Через полчаса профессор Лемелетье поговорил по телефону с Дюбоском, сообщив ему результаты расследования.

— Хорошо! — ответил тот. — Нам бы помогло, если бы мы смогли установить личность молодой английской девушки, которая получает выгоду от завещания пропавшего мужчины. Я отправлю сегодня вечером агента в Барселону, чтобы он следил за мадам Гарсия.

И он повесил трубку.

Греческий камердинер Джорж Эпитес все еще находился в отеле «Кларидж» в ожидании известий о своем хозяине. Он дал несколько показаний полиции, и некоторые из них были несколько противоречивыми. Действительно, когда суперинтендант Уорнер из отдела уголовных расследований допрашивал его несколькими днями ранее, камердинер казался нервным и беспокойным; об этом известный детектив рассказал профессору, когда тот навестил его в Скотланд-Ярде.

— Тогда он, возможно, полностью осведомлен о судьбе своего хозяина! — воскликнул профессор. — Довольно странно, что он внезапно заболел в тот день, когда пропал принц.

— Верно, — заметила Фернанда, элегантная фигура в маленькой шляпке-клош и мехах. — Но мне пришло в голову, что этот греческий слуга может знать личность девушки, с которой его хозяин познакомился в Ницце и в пользу которой он составил завещание. На мой взгляд, этот человек мог бы многое нам рассказать, если бы захотел.

— Совершенно согласен, — подтвердил Жакино, всегда желающий найти хороший «материал» для своей газеты и готовый помочь в разгадывании тех непостижимых тайн, которые постоянно занимали внимание тайного совета «Клуба преступлений». — Может, мне с ним встретиться и попытаться что-нибудь у него выведать?

Остальные согласились с таким планом, но профессор предупредил его о необходимости проявлять максимальную осмотрительность.

— Лично я считаю, что Его Высочество жив, и в таком случае, если возникнут подозрения, что мы проводим расследование, он может перейти к обману.

— Мы должны попытаться выяснить личность этой молодой девушки, которая должна унаследовать его состояние, — сказал журналист. — Я увижусь с ним сегодня.

Час спустя Жакино обнаружил в отеле «Кларидж» камердинера принца — высокого, худого, бледного мужчину с глубокими черными глазами и неухоженными черными усами. Журналист представился парижским другом своего хозяина; говорил он на французском языке, так словно совершенно ничего не знает о загадочном исчезновении принца.

— Я очень сожалею, меесь, что местонахождение моего господина неизвестно, — ответил камердинер. — Он исчез 28 декабря прошлого года, и с тех пор его никто не видел и не слышал. В тот день его узнала дама, когда он проходил по Бонд-стрит. Вот и все.

— Очень любопытно! — заметил Жакино, притворяясь удивленным. — В последний раз, когда я его видел, он говорил о какой-то молодой английской девушке, с которой познакомился в прошлом сезоне в Ницце. Вы случайно не знаете, кто она?

Грек бросил на него быстрый, зловещий взгляд, полный подозрения.

— Понятия не имею, — коротко ответил он.

— Принц сказал мне, что влюбился в нее, — легкомысленно проговорил худошавый, несколько женоподобный Жакино. — Поэтому он завещал ей все свое состояние в случае своей смерти. — Он сделал паузу, чтобы закурить сигарету. Затем добавил: — Как вы думаете, ваш господин действительно умер? Если да, то эта англичанка будет невероятно богата, а?

— Я не думаю, что он умер, месье, — доверительно сказал камердинер.

— Тогда почему он так бесследно исчез?

— Он может вернуться, — произнес камердинер тоном, который показал проницательному молодому журналисту, что слуга о чем-то умолчал.

— Вы действительно не знаете имени молодой англичанки?

— Совершенно уверен, месье. Его Высочество очень тщательно скрывал ее имя, — пояснил камердинер. — Я остаюсь здесь, ожидая его возвращения.

Жакино был достаточно осмотрителен, чтобы понимать: если он продолжит свои расспросы, то может подтвердить подозрения, уже посеявшиеся в голове грека. Он, несомненно, был хитрым, уклончивым человеком, и знал больше, чем осмеливался рассказать.

Возвращаясь к Чаринг-Кросс, журналист задумался, не стало ли исчезновение принца результатом коварных замыслов Эпитеса, который так тщательно выдавал себя за верного слугу.

Три дня спустя Жакино в сопровождении Латимера поздно вечером прибыл в отель «Негреско» в Ницце, и на следующий день журналист, будучи французом, побеседовал с шефом отдела регистрации.

— Вы помните моего друга, месье Буракиса, который останавливался здесь в прошлом сезоне — сказал он и доверительно добавил: — вы знаете, кого я имею в виду, — принца!

— Конечно, месье. У него был номер люкс С.

— И ту молодую англичанку, которая так часто бывала с ним. Мисс... я забыл ее имя. Он однажды представил меня ей.

— О! Мисс Мэри Симингтон, вы имеете в виду?

— Ах! Да. Именно так ее зовут, — с удовлетворением подтвердил Жакино.

— Она потеряла ценный бриллиантовый браслет, пока была здесь, и у нас была большая переписка по этому поводу. Только вчера я получил от нее письмо из отеля «Ритц» в Париже. Она думает, что его украли из ее чемодана на вокзале.

Жакино отметил, что молодая англичанка находится в Париже, затем поблагодарил своего информатора и ушел.

Позже Латимер, когда беседовал с консьержем о времени отправления следующего поезда в Монте-Карло, вдруг спросил:

— Меня интересует одна дама — моя подруга. Она когда-нибудь здесь бывала? — и показал ему фотографию мадам Гарсии.

— О! Да. Это мадам Демарест, большая подруга греческого принца, который ходит инкогнито под именем Андреас Буракис. Она здесь почти каждый сезон. Вероятно, скоро приедет.

— А ее муж? Он приезжает с ней?

Мужчина в длинном черном пальто с золотыми крестообразными ключами на лацкане улыбнулся и ответил:

— Я не знал, что у нее есть муж. С ней часто бывал один испанский джентльмен, но я не знаю его имени.

— Ему около пятидесяти, у него темные волосы и борода, и он носит круглые очки? — сообщил Латимер, описывая Гарсию.

— Да, месье. Это именно тот джентльмен.

— Знал ли его принц? — спросил Латимер, очень заинтересовавшись этими откровениями.

— Думаю, нет. Он был другом мадам и жил в одном из дешевых отелей в задней части города. В их дружбе было что-то таинственное, мне кажется, — предположил высокий светловолосый консьерж. — Мадам никогда не видели на публике с Его Высочеством, хотя она каждый вечер ездила в Монте-Карло.

— А мисс Симингтон? Что с ней?

— Она была чрезвычайно дружна с мадам Демарест. Они были неразлучны. Молодая леди была очень красива и имела множество поклонников.

Гордон Латимер узнал лишь немного, поэтому тем же вечером он и Жакино сели на скоростной поезд и вернулись в Париж. В Марселе журналист вышел и купил несколько газет, чтобы почитать в долгой ночной поездке, так как в поезде не было спального вагона. Он снова сел в углу купе, но неожиданно толкнул своего попутчика напротив и передал ему газету «Темпс».

Некоторое время Латимер читал, и вдруг его глаза вылезли из орбит.

Сообщение касалось сенсационной находки, сделанной во дворе обветшалого старого дома в парижском квартале Монруж, где в три часа ночи была обнаружена мертвая, хорошо одетая молодая девушка. По всей видимости, она приняла яд, так как рядом лежала бутылка с ядом. Ее опознали как молодую англичанку по имени Мэри Симингтон, которая остановилась в отеле «Ритц» со своей подругой, мадам Демарест.

Двое мужчин были одни в купе.

— Это самоубийство или убийство? — задал вопрос Латимер. — Помните, принц оставил ей свое состояние!

— Это мы должны выяснить, и немедленно, — живо откликнулся журналист, человек дела. Он бросился к кондуктору и выяснил, что следующая остановка «Авиньон».

Он поспешил обратно к другу.

— Вы поезжайте в Париж. — сказал он. — Я выйду в Авиньоне и позвоню Дюбоску. Он поставит наблюдение за неуловимой и таинственной женщиной, которая называет себя Гарсия или Демарест. По прибытии в Париж немедленно отправляйтесь в полицию и расскажите ему все, что мы знаем. А пока, предупредив его по телефону, я поеду вслед за вами.

— Отлично! Я сильно подозреваю, что с английской девушкой произошло что-то неладное. Если так, то это доказывает, что принц уже мертв. Если бы он был жив, не было бы никакого мотива для похищения девушки. Возможно, это самоубийство! — даже, может быть, намек на любовную связь с принцем.

— Думаю, нет. Но мы скоро узнаем — когда наше расследование будет завершено, — возразил Жакино.

В этот момент они въезжали на большой вокзал Авиньона. Было три часа ночи, и на вокзале не было никого, кроме железнодорожных служащих. Жакино попрощался со своим спутником и, взяв небольшую сумку, спустился на платформу. В это время менялись большие локомотивы, прежде чем ночной экспресс снова отправился в путь к столице.

Без особых затруднений Жакино нашел кабинет начальника станции и попросил воспользоваться телефоном — для полицейских нужд. Дежурный ночной клерк проводил его во внутренний кабинет, где был установлен телефон, и закрыл дверь.

Примерно через пятнадцать минут у журналиста произошел разговор с Дюбоском, который лежал в постели в своей квартире на улице Рю-Рояль.

Разговор был долгим, поскольку французский журналист рассказал практически всё, что здесь описано. Когда Дюбоску сообщили о связи между пропавшим принцем и погибшей английской девушкой, мисс Симингтон, он издал возглас удивления и сказал:

— Я встаю и немедленно займусь этим делом! Мы должны держать эту женщину под наблюдением. Спасибо, мой дорогой Жакино, вы отлично справились. Мы соберём эту головоломку по кусочкам, не волнуйтесь. Вы едете в Париж — отлично! Я буду ждать вас. Бон суар!

И он повесил трубку.

Журналист, закончив ночь в старомодном отеле «Европа», хорошо известном автомобилистам, направляющимся на Ривьеру, продолжил свой путь рано утром и прибыл в Париж поздно вечером.

В кабинете Дюбоска в префектуре полиции собрались Латимер, Жакино, а также барон д'Антебак и доктор Плауд.

Последний докладывал:

— Сегодня я осмотрел тело предполагаемой самоубийцы. В качестве яда использовалась синильная кислота. Девушка не пила ее, так как яд был помещен в капсулу и насильно проглочен ею. Без сомнения она была убита в бессознательном состоянии. В ее рту нет следов яда. Капсулу запили водой. Тело, должно быть, доставили туда на автомобиле, а бутылку поставили рядом.

— Женщина, Демарест, вчера утром дала показания одному из моих инспекторов, рассказав, что Мэри в последнее время была очень подавлена из-за известия о смерти своего любовника в Нью-Йорке и несколько раз угрожала самоубийством, — пояснил Дюбоск. — Девушка ушла накануне днем, предположительно, чтобы навестить подругу в Нёйи, и не вернулась. Однако, когда я позвонил в отель «Ритц» после получения телефонного сообщения из Авиньона, я обнаружил, что мадам Демарест уехала на арендованном автомобиле в пять часов вечера предыдущего дня за город. Я немедленно позвонил в Кале, Булонь и Дьепп, полагая, что она попытается бежать в Англию, но до настоящего времени ее никто не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.